

БОЛЬШАЯ КНИГА

ПИРАТСКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Валерий
ГУСЕВ

Пиастры
для юных
пиратов

Тусовка
на острове
Скелета

Пираты
под облаками

Большая книга приключений

Валерий Гусев

**Большая книга пиратских
приключений (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Гусев В. Б.

Большая книга пиратских приключений (сборник) / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2014 — (Большая книга приключений)

«Пиастры для юных пиратов» Да здравствуют приключения в океане! Братья Алешка и Дима оказались на борту научно-исследовательского судна – и не в качестве простых пассажиров, а как... засекреченные агенты. Вместе со своим отцом, полковником Оболенским, они выполняют важное задание. Аферист международного масштаба замышляет очередное преступление, и необходимо во что бы то ни стало ему помешать! А заодно – найти сокровища тропического острова... «Тусовка на острове Скелета» На острове Скелета, затерянном в Тихом океане, братья Дима и Алешка обнаружили... одичавшего человека! Скоро выяснилось: это знаменитый профессор Чижов, исчезнувший два года назад. Преступники, похитившие коллекцию ученого, не нашли драгоценный ковчег Петра Первого. Профессор не раскрыл им тайны сокровища – за что и был оставлен на острове. И вот теперь Чижов вернулся в Москву, а украденную коллекцию стали искать ребята. Наперегонки с доблестной милицией и современными пиратами... «Пираты под облаками» В наказание за школьные «подвиги» Дима и его брат Алешка вместе с папой едут в пустыню: папа – по служебным интерполовским делам, а мальчишки – гоняться за тарантулами и любоваться миражами... Но не тут-то было! Папе пришлось задержаться в пути, а самолет, в котором летели братья, захватили самые настоящие воздушные пираты. Но Дима и Алешка не желают мириться с положением заложников! Они задумали обхитрить бандитов и устроить им веселую жизнь...

© Гусев В. Б., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пиастры для юных пиратов	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	33
Глава VI	39
Глава VII	44
Глава VIII	49
Глава IX	55
Глава X	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валерий Гусев

Большая книга пиратских приключений

Пиастры для юных пиратов

Глава I

Двуногая рыба

Однажды вечером мы сидели у таежного костра, и вдруг...

С такой фразы очень часто начинаются приключенческие книги. И у нас получилось примерно так же. Правда, мы сидели вечером не у таежного костра: мама почему-то не любит разводить таежный костер в квартире. Мы сидели просто так. Не у костра, а у телевизора.

Был тихий и мирный весенний вечер. Папа в своем любимом кресле дремал, спрятавшись за газетой, и время от времени для маскировки шелестел ее страницами. Мама разгадывала загадки, которыми озадачивал зрителей Леонид Якубович на «Поле чудес» в Стране... чудаков. Я помогал маме. А Лешка, сосредоточенно нахмурившись, уткнулся по уши в книгу. И время от времени что-то выписывал в тетрадь, прикрывая ладошкой свои таинственные выписки.

Папа сложил газету и зевнул сквозь зубы: он очень устал на работе.

– Пойду-ка я в кабинет, – сказал он, – поваляюсь до ужина на диване. С книгой. Лешк, ты чем так увлекся? Дал бы отцу почитать.

Алешка взглянул на него и неожиданно выдал – очень важно, серьезно и красиво:

– Этой книге место не в кабинете полковника милиции, а в комнате школьника. В час, когда с уроками покончено и скоро пора спать, а за окном зимний вечер.

– Ничего себе! – ахнула мама. – Можно подумать, с уроками у него покончено! А за окном, между прочим, вовсе не зимний, а весенний вечер!

– Это цитата, – сказал папа с уважением. И взял у Алешки книгу. – Так и знал: «Остров сокровищ»! И в который раз ты ее перечитываешь? – спросил он Алешку, вернув ему книгу.

– Я уже не перечитываю, я уже ее изучаю.

– Ты бы лучше географию изучал! Две двойки за одну неделю, – сказала мама и почему-то радостно добавила: – Альбатрос! – Это она, наверное, слово на экране угадала.

– А я, вот именно, – запальчиво возразил Алешка, – географию по этой книге изучаю.

– Это как? – удивился папа.

– Оказывается, не альбатрос, – разочарованно сказала мама. – Оказывается, спаниель. Вот уж не знала, что спаниель – это птица. Сектор «Приз»! – воскликнула она. – Бери деньги, дурак! – И повернулась к Алешке: – Так что ты там изучаешь?

– Я определяю, – скромно ответил Алешка, – где находится этот Остров сокровищ.

– Здорово! – сказал папа. – А зачем?

– Ну, они же на своей «Испаньоле» не все сокровища с острова забрали.

– И эти сокровища тебе покоя не дают? – усмехнулся папа. – Снятся по ночам всякие пираты и пиастры?

– Да, – небрежно согласился Алешка, – решил как-нибудь в свободное время сплавить туда и забрать остатки сокровищ.

– Говорили же тебе, – воскликнула мама, – бери деньги! А он брюкву взял. – И тут она опять повернулась к Алешке: – А на чем сплавашь? Достать тебе надувной матрас с антресолей?

Алешка пожал плечами.

– Построю яхту, – простенько сообщил он, – и сплавая. На каникулах.

Мама рассмеялась:

– Из папиной газеты кораблик сложишь?

Алешку это не смутило:

– Папа же в молодости построил яхту. И плавал на ней по всяким морям. Когда тебя еще не было.

– Как это? – удивилась мама. – Где это меня не было?

– Он имеет в виду, – объяснил папа, – когда тебя еще не было в моей жизни.

– А ты имеешь в виду, – обиделась мама, – что все самое интересное в твоей жизни было до женитьбы на мне?

– Нет, – серьезно сказал папа. – Самое интересное в моей жизни началось, когда я на тебе женился. – И добавил вполголоса: – Во всяком случае, скучать с тобой не приходилось. И в море на яхте, даже в шторм, было спокойнее, чем у домашнего очага. Я бы и сейчас куда-нибудь сплавал. И ребят бы с собой забрал.

– Вот было бы здорово! – Мама даже от телевизора оторвалась. – Как бы я от вас отдохнула!..

В общем, обычный вечерний семейный шуточный разговор.

И никто из нас не предполагал, что очень скоро так и получится: Алешка «вычислит» Остров сокровищ, мама будет от нас отдыхать, а мы с папой окунемся в океан... в океан опасностей, приключений и загадочных событий.

Хотя иногда мне кажется, что папа тогда уже что-то знал...

А пока мы тихо и мирно беседовали теплым весенним вечером в своем родном доме. Папа подремывал в кресле, Алешка делал выписки из «Острова сокровищ», а мы с мамой разгадывали загадки Якубовича.

– Бескрылый олень! – вдруг озадаченно воскликнула мама, уставившись в экран. – Это еще что за птица?

– Двуногая рыба, – буркнул Алешка, листая книгу.

Скажу пока только одно: оба они угадали. Очень скоро мы столкнулись и с бескрылым оленем, и с двуногой рыбой, и с крысами в океане. И на Острове сокровищ...

...Первые дни лета. Каникулы только что начались, и мы с Алешкой еще не привыкли им радоваться. А тут вдруг такая радость обрушилась на нас первым летним ливнем. Хотя, как выяснилось позже, это был вовсе не безобидный дождик, полезный всяким растениям и людям, а самый настоящий шквал. С молниями, штормовым ветром и громадными волнами, гребешки которых яростно срывает ветер и несет над океаном мелкой соленой пылью...

Красиво сказал, да? А главное – непонятно. Вот и нам с Алешкой вначале многое было непонятно. А когда кое-что стало проясняться, то стало не только понятным, но еще и опасным. И даже страшным.

Впрочем, если я прямо сейчас скажу, чем все это кончилось, понятнее ничего не станет. Тут нужна последовательность, как говорит папа. И поменьше фантазии, как говорит мама.

Но и без всякой фантазии эта история, как говорится, оставила след в нашей душе (и в других душах тоже). И, кстати, она пока еще не совсем завершилась...

А началась в первые дни лета. Когда мы еще находились в некоторой растерянности. Школа кончилась долгожданно, но неожиданно; куда-то исчезли уроки, домашние задания,

всякая внеклассная ерунда и прочие проблемы. Но оказалось, что проблемы у нас только начнутся, и куда покруче, чем школьные. И решать мы их будем совсем скоро, но очень далеко от родного дома и родной школы, на другом краю земного шара.

Только сначала я расскажу, что случилось у папы на работе, а уж потом – как мы ему помогли. С риском для жизни.

Жил-был один талантливый аферист по фамилии Оленин. Он ограбил с помощью различных махинаций нашу страну, а потом удрал за границу и там тоже заодно вволю пограбил. И скрылся куда-то в неизвестном направлении. Наша милиция объявила Оленина в розыск, а за ней объявил его в розыск и Интерпол – такая полицейская организация, которая занимается международными преступниками.

Наш папа как сотрудник российского отделения Интерпола получил задание разыскать этого афериста вместе со всеми украденными им миллионами.

Папина группа работала долго и упорно, установила и задержала почти всех его сообщников, а сам Оленин растворился в необъятных просторах нашей планеты.

И вот наконец, по некоторым сведениям, след его обнаружился... в Тихом океане. Не в самих, конечно, водных глубинах, не на его дне, а на одном малоизвестном полуобитаемом острове.

И совпало так, что в тот район отправлялось научно-исследовательское судно. И папин начальник, генерал, предложил ему замаскироваться на этом судне под какого-нибудь ученого.

Генерал пригласил к себе капитана корабля, и они вдвоем стали обсуждать эту маскировку.

Капитан сразу же стал возражать:

– Помилуйте, Сергей Александрович, ну какой из вас, извините, ученый! Гидробиолог? Ихтиолог? Этнограф? Что вы понимаете, еще раз извините, полковник, в этих вопросах? В первый же вечер все догадаются, что вы самозванец!

Капитан оказался прав еще и потому, что, по оперативным данным, на судне находится сообщник афериста. Но кто он? Ученый, матрос? Или сам капитан?

Генерал поник седой головой, задумался. Потом он вдруг вскинул эту свою седую голову и блеснул глазами:

– Сергей! Ты же когда-то на яхте плавал! – Он повернулся к капитану: – Возьмите его матросом. Он справится.

– Нет, – наш папа покачал головой. – Я должен находиться не в матросском кубрике, а в самом центре всего экипажа. Иначе я не соберу нужную информацию. К тому же я должен иметь хоть какую-то власть, чтобы свободно принимать нужные мне решения: например, остановить судно, сойти на берег и так далее.

– Ну возьмите его первым помощником! – напирал генерал на капитана. – Второе лицо на корабле.

– Это второе лицо на корабле, – надулся капитан, – должно знать мой корабль лучше меня самого. И в критическую минуту при необходимости заменить меня во всем. Не пойдет! – Он решительно рубанул рукой. И чуть не сбил со стола генерала стаканчик с карандашами. Хорошо, что не компьютер.

Папа поскреб макушку и предложил:

– Я буду вашим спонсором.

Капитан выпучил глаза, как омар:

– Вот еще! Мне это надо?

А генерал одобрительно хмыкнул:

– Неплохо! Продолжай, Сергей.

Папа продолжил:

– Легенда такая: я очень богатый человек. Всю жизнь хотел стать моряком. Но всю жизнь занимался бизнесом.

– Отлично!

– Узнав, что исследования Тихого океана откладываются из-за отсутствия денег, я протянул институту руку помощи...

– А в этой руке, – засмеялся генерал, – чемодан денег! В вечнозеленых купюрах.

– Но я поставил условие, – продолжал папа. – Меня тоже берут в плавание. Как пассажира. Без обязанностей, но с большими правами.

– Это уже лучше, – одобрил капитан и стал набивать свою трубку пахучим заморским табаком.

– Я буду сумасброден, нахален, немного придурковат...

– Это тебе удастся, – усмехнулся, пошутив, генерал, – особенно последнее.

– У вас есть дети? – вдруг спросил капитан и выпустил изо рта душистое облако дыма.

– Есть, – кивнул папа. – Вы думаете, они будут скучать без меня?

– Я думаю, что их следует взять с собой, для более глубокой конспирации. Они у вас – как, смогут сыграть роль бесшабашных, избалованных детей сумасбродного богача?

– Они смогут, – поспешил заверить генерал, который хорошо знал все наши прежние подвиги.

Папа вздохнул. И предупредил их обоих:

– Только лично я за фокусы своих сыновей отвечать не собираюсь. Вполне возможно, что при их бесшабашности и решительности наше судно окажется не в Тихом, а в Ледовитом океане.

– Вполне возможно, – со вздохом кивнул генерал. – Особенно если младшему, Лешке, захочется вдруг покататься на лыжах. Или на белом медведе.

– Больше всего я боюсь, – сказал папа капитану, – что уже во Владивостоке, где находится ваше судно, они в первый же день его захватят и поднимут на мачте пиратский флаг.

– Пусть уж лучше они его поднимут, – как-то очень серьезно сказал генерал, – чем кто-нибудь другой.

– А что, – забеспокоился капитан, – у ваших ребят есть уже аналогичный опыт?

– Да, – сказал папа, – у них очень большой аналогичный опыт. – И он стал перечислять, загибая пальцы: – Они угоняли автомобили, воздушный шар, поезд, пароход, экскаватор, самолет, верблюда. Про лошадей и собак я уже не говорю...

По мере того как папа загибал пальцы, капитан все чаще пыхтел своей трубкой и бледнел на глазах. Наконец он с печалью спросил:

– А других вариантов нет?

– Вы сами предложили взять их на борт, – злорадно усмехнулся генерал. – А если серьезно, ребята очень толковые и сообразительные. И я не удивлюсь, ты только не обижайся, Сережа, что этого афериста они вычислят раньше, чем ты.

– И наручники наденут, – серьезно кивнул папа. – Или акулам его отдадут.

В общем, вопрос был решен.

– Только имейте в виду, – строго напомнил генерал, – о подлинной роли полковника Оболенского никто, кроме нас троих, не должен знать.

– Это понятно, – сказал капитан и принялся чистить свою трубку. – Об этом можно и не предупреждать.

Вот так мы оказались членами экипажа научно-исследовательского судна Института океанографии под красивым названием «Афалина».

Вскоре после этого события (о котором мы с Алешкой еще ничего не знали) папа пришел с работы какой-то странный. Немного задумчивый, чуточку серьезный и отчасти веселый. Все в одном флаконе сразу.

– Командировка? – догадалась мама. – Опасная и трудная? Как всегда?

– На этот раз веселая, – грустно ответил папа. – Ухожу в море. И детей беру с собой.

– Какое счастье! – обрадовалась мама. – И надолго оно?

– Месяца на три. С учетом обстоятельств.

Мама поставила перед ним чашку кофе. И с надеждой спросила:

– А побольше никак нельзя? С учетом каких-нибудь обстоятельств. Они мне так надоели!

Я думаю – не обстоятельства ей надоели, а мы с Алешкой.

– Побольше нельзя, – вздохнул папа. – Им все-таки надо учиться.

– Что ты называешь учебой? Бесконечные двойки, записи в дневниках и вызовы родителей? – спросила мама. – А потом – они и так уже все знают.

– Например, – спросил папа Алешку, – где находится Тихий океан?

– Вон там, – не задумываясь, махнул Алешка, – за этой стеной.

За этой стеной весь день и почти всю ночь у нашего соседа Ермолаева гремела музыка.

Сосед Ермолаев работал в цирке, дрессировщиком. И некоторые звери жили у него дома. Чаще всего – мартышка Зульфия. Она была очень нервная и, как уверял Ермолаев, легкоранимая. И поэтому боялась оставаться дома одна. Она боялась всего – тараканов, тикающего будильника, вороны на балконе. Единственное, что ее успокаивало, – громкая музыка. Под эту музыку Зульфия ничего не боялась. И начинала плясать. Как на манеже. Хорошо еще, что у нее не было копыт и обуви на каблуках.

И я понял, что имел в виду Алешка. Тихий океан за стеной начинался тогда, когда Ермолаев приходил домой и выключал свою штормовую музыку.

И еще я понял, что мы втроем отправляемся в плавание на прекрасном научно-исследовательском судне с красивым названием «Афалина».

– Красивая фамилия, – сказал Алешка. – Как у нашей уборщицы.

– При чем тут ваша уборщица? – удивился папа. – Афалина – это вид дельфинов.

– Много ты знаешь, – фыркнул Алешка. – Афалина – это фамилия нашей старушки уборщицы.

– Ударения разные, – помирил я их.

Мне не хотелось, чтобы мы уходили в далекое плавание в состоянии глупой ссоры.

– «Афалина» – сказал папа, – это научно-исследовательское судно Института океанографии. Когда-то это был опытный военный корабль. Его не совсем доделали, потому что у Министерства обороны не хватило на него денег...

– Господи! – сказала мама. – Всем не хватает денег. И нам, и даже Министерству обороны.

– Правительству тоже не хватает, – успокоил ее Алешка.

– Правительству, – сердито сказала мама, – не хватает на нас, а не на себя! – И посмотрела почему-то на папу.

Папа нахмурился, но ничего не ответил.

– Пап, – спросил я, далекий от политики, – а на этой военной «Афалине» вооружение есть?

– Еще какое, – ответил папа. – Последнее слово военно-морской науки. Впрочем, сами все увидите.

– Я согласен, – сказал Алешка. – Мне как раз туда надо.

– Это еще зачем? – испугалась мама.

– За сокровищами, – небрежно напомнил Алешка. Будто за сокровищами – все равно что за хлебом в соседний магазин сходить. – Там на одном острове находятся сокровища капитана Флинта.

– Что?! – Папа чуть не выпустил из рук кофейную чашку. – Какого Флинта? Ивана Федоровича?

Я сразу объясню, почему папа так изумился. Дело в том, что фамилия капитана «Афалины» была Флинт. И звали его Иван Федорович.

Алешка смерил папу холодным взглядом. И сказал:

– Некоторые сыщики не только газеты читают.

– И что же читают некоторые сыщики? – Папа со стуком поставил чашку на стол.

– Уголовный кодекс, – сказала мама.

Алешка снисходительно объяснил, что он наконец-то вычислил, на каком острове остались сокровища пиратского капитана Флинта. Для этого ему пришлось перечитать не только «Остров сокровищ», но и много других серьезных книг по истории морского пиратства.

Кстати сказать, Алешкины догадки оказались правильными. Я потом читал статьи литературоведов, географов и историков – и все они, на основании всяких научных анализов, уверенно называли тот же самый остров, о котором догадался наш Алешка.

Тут за соседской стеной хлопнула дверь, смолкла музыка, радостно залопотала Зульфия. Наступил «Тихий океан».

– Теперь и поговорить можно, – сказал папа. – Серьезно поговорить.

Мама тут же поставила перед ним еще одну чашку кофе.

– Вы поедете со мной. Вы мне там нужны. Забудьте прямо сейчас, кто я такой, и прямо сейчас запомните, что я очень богатый и придурковатый бизнесмен. А вы мои дети.

– Придурковатые? – спросил Алешка.

Папа кивнул, даже не улыбнувшись.

– Ведите себя соответственно.

– Это они могут, – сказала мама и совершенно некстати вспомнила, как я в раннем детстве почему-то сел в кастрюлю с тестом.

– Я не это имел в виду, – произнес папа. – Но они меня поняли, так?

Когда папа спрашивает таким серьезным тоном, нам остается только кивнуть головой и потупить глазки.

– Два дня на сборы, – сказал папа.

Два дня пролетели как два урока.

Папа принес с работы громадный шикарный чемодан для себя и два поменьше, но тоже шикарные, для нас с Алешкой.

В папином чемодане уже лежали всякие небывалые костюмы и всякие заманчивые вещи: ноутбук, морской бинокль, белый тропический шлем, кортик в золотых ножнах и другие атрибуты богатого чудака.

А наши чемоданы начала сразу же заполнять до отказа мама.

– Лешкины валенки никак не лезут, – устало пожаловалась она папе и сдула с усталого лица усталую прядь волос.

– Какие валенки? – обалдел папа.

– А как же! – Мама изо всех сил давила крышку чемодана коленкой. – Там же летом – зима! В том полушарии. Я сама в энциклопедии прочитала. Там такая суровая зима, что даже Полярной звезды не видно.

Папа чуть заметно усмехнулся.

– Да, – сказал он, – там летом зима. Но очень мягкая. Градусов около тридцати. Но в океане это легко переносится. Там ведь все время ветер.

– Боже мой! – ужаснулась мама. – Тридцать градусов, да еще с ветром. А я Лешеньке даже рукавички не положила. Тридцать градусов!

– Тепла, мать, тепла, – успокоил ее папа.

– Ты точно знаешь? – недоверчиво спросила мама. – А в энциклопедии...

– Вытаскивай валенки. Лучше лишнюю пару плавков ему положи.

Мама даже зажмурилась: зимой, в плавках... На обледеневшей палубе корабля. При постоянном ветре.

– Знаешь, отец, – вдруг решила мама. – Езжай-ка ты один. – Она подумала и добавила: – В плавках... и в валенках.

Дело кончилось тем, что папа сам взялся укладывать наши чемоданы, а валенки тайком забросил на антресоли.

– Ленечка, – сказала мама, – я тебе много конвертов положила – ты пиши мне почаще, ладно? Особенно про погоду.

– Ладно, – согласился Алешка. – Я эти письма буду закупоривать в бутылки и выбрасывать в Тихий океан.

– Лет через десять вместе читать их будем, – усмехнулся папа. – В какой-нибудь газете. Если их акула не проглотит.

– Какая акула? – насторожилась мама. – Не вздумай, Алексей, подходить к ним близко. Я читала в энциклопедии, что у каждой акулы около тысячи зубов.

– Не у каждой, – успокоил ее папа. – У некоторых всего-то по две сотни.

– Я все-таки передумала, – сказала мама. – Мы с Ленькой лучше на дачу поедem. Комары мне как-то милее акул. У них зубов меньше. Да, Лень? И валенки брать не нужно. И письма писать.

Алешка улыбнулся и произнес:

– Я не боюсь акул. Я на них как залаю!

На следующий день мы вылетели во Владивосток, где нас дожидалось прекрасное судно с красивой фамилией «Афалина».

Летели мы очень долго. Два раза садились на дозаправку в каких-то городах. Даже немножко надоело. А в ушах все время стоял какой-то гул.

Лешка как прилип к иллюминатору, так и не отлипал от него до самого Владивостока. А когда мы приземлились, сказал разочарованно:

– Совсем на карту не похоже. И надписей никаких, оказывается, нет.

– Каких надписей? – удивился папа.

– Ну там, река Волга, город Иркутск, Уральский хребет, озеро Байкал...

– Ты их не разглядел, – улыбнулся папа. – Мы очень высоко летели.

Прилетели наконец...

Глава II

Вредительство на борту

Город Владивосток мы практически не видели. Прямо у трапа нас встретил капитан Флинт и усадил в длинную белую машину. В ней уже сидели двое крупных мужчин – один за рулем, другой рядом с ним. Это были местные работники милиции; они довольно успешно изображали водителя и охранника богатого бизнесмена господина Оболенского, нашего бати.

Машина примчалась в порт и остановилась на причале, возле которого стояла белая красавица «Афалина».

– Не похожа, – разочарованно сказал про нее Алешка.

– На кого не похожа? – не понял я. – На нашу школьную уборщицу?

– На дельфина.

– А ты их видел? Но мне тоже показалось, что эта «Афалина» больше похожа на прекрасную белую лошадь. Которая с нетерпением ждет, когда она сможет, закусив удила, помчаться вскачь навстречу ветру. По гребням зеленых волн.

– Стуча копытами, – добавил Алешка.

Водитель открыл папе дверцу машины и, достав из багажника наши чемоданы, поднялся по узкому стальному трапу на борт «Афалины»; капитан Флинт, пыхтя трубкой, помогал ему. А охранник не помогал, руки у него должны быть свободными на случай опасности, он только зыркал по сторонам своими острыми глазами. И сказал папе:

– Мне это не нравится, Сергей Александрович. Вы уходите в далекое плавание без охраны.

– Вот моя охрана, – папа с улыбкой кивнул на нас.

Охранник тоже улыбнулся:

– По-моему, именно от них и надо вас охранять.

Нужно сказать, что папа вышел из машины совсем другим человеком, мы даже растерялись немного: так он был не похож на себя. Какой-то важный, самодовольный и – очень жаль – глуповатый на вид.

Он небрежно помахал рукой экипажу корабля, который столпился у борта, и развалистой походкой направился к трапу. Стоящий возле него веселый матрос в берете с помпончиком подскочил к папе, отдал ему честь и протянул руку, чтобы помочь. Папа эту руку отстранил и легко взбежал по трапу на палубу. Там его встретили моряки и группа ученых в пиджаках и шляпах. Капитан Флинт представил папу:

– Господин Оболенский. Человек, благодаря которому стала возможной наша экспедиция. – Все покивали и пожали папе руку. – А это его личная охрана. – И капитан показал на нас. Все поулыбались и тоже пожали нам руки. А Лешка гаркнул во все свое горло:

– Здравия желаю, товарищи моряки и краснофлотцы!

Секунда замешательства, и дружный рев в ответ:

– Здра-жла – товарищ адмирал!

– Вольно! – скомандовал Алешка. – Разой-дись! – Он уже вошел в роль сына олигарха. Веселого балбеса.

Никто, конечно, не разошелся, а наоборот – все столпились возле нас и стали знакомиться. Капитан Флинт называл каждого члена экипажа и ученого по имени, званию и должности.

– Старший помощник Михеев!

– Очень рад, – снисходительно отвечал папа. – Я всегда уважал старших помощников.

– Старший механик Кулибин!

– И старшие механики мне всегда нравились, еще с детства. Я сам хотел когда-то стать старшим механиком. Но мама очень возражала...

– Маму надо слушаться, – покивал с усмешкой веселый матрос с помпоном. Капитан строго зыркнул на него. И сказал, указывая на толстого дядьку:

– Наш кормилец – кок Сковорода.

Алешка с сочувствием посмотрел на кока и сказал:

– Бывает.

– Ой, хлопче, – засмеялся Сковорода. – Если бы ты знал, какие фамилии еще есть у нас в Украине! Например, Голопупенко. Я тебе потом столько про него расскажу.

– Лучше не надо, – поспешил предупредить его капитан. И продолжил: – Начальник экспедиции профессор и академик Штокман.

Этот Штокман был очень похож и на профессора, и на академика. Он был в широких тяжелых очках и в узкой бородке, которая завивалась на конце, точно запятая.

Наш папа вздохнул, с уважением пожал ему руку и сказал с большим сожалением:

– А вот академиком стать я даже и не мечтал...

– Папа не позволял? – серьезно спросил веселый матрос с помпоном.

– А вот этого, – капитан указал на него, – я сегодня же спишу на берег!

– Не спишете, – серьезно сказал папа. – Он мне нравится.

И капитан не стал возражать. А повернулся к маленькому человечку с пушистой головой и назвал его:

– Ихтиолог Рыбкин, доктор наук.

– Ихтиандр Рыбкин, – шепнул мне Алешка.

– А вот ихтиологом, – сказал папа, – я никогда не хотел стать. Я всегда любил рыбу не в море, а на столе.

– Боцман Шмага, – продолжил капитан.

Боцман шмыгнул носом и вытянулся во весь свой длинный рост.

– Где-то я вас видел, – сказал папа.

– По телевизору, наверное, – подсказал веселый матрос. – В программе «Здоровье». У Шмаги – вечный насморк. Мы его поэтому Шмыгой зовем.

Шмага засмутился и опять шмыгнул носом – будто волна в борт плеснула. А веселый матрос шепнул Алешке:

– Он у нас еще и глухой.

– Но он хоть видит? – сочувственно спросил Алешка.

– Еще как! Любой беспорядок на палубе сразу заметит.

Все это знакомство длилось так долго, что мы даже проголодались. А капитану этого было мало, и он стал рассказывать о своем замечательном судне и водить нас за собой по всяким помещениям.

– Это каюты, это кубрик матросский, это машинное отделение, это траловое устройство, это драга, это капитанский мостик. Здесь радиорубка...

Капитан Флинт не зря гордился своим судном. Тут было много всяких технических чудес, но нам больше всего понравилась камера наблюдений, или темная комната, как ее все называли. Она находилась в глубине носового трюма. Каморка такая. У которой в пол было вделано толстое, ничем не пробиваемое стекло – вроде экрана большого телевизора. Она предназначалась для наблюдений за морским дном. Когда наблюдения не велись, экран закрывался металлической шторкой. Алешка как дитя олигарха тут же потребовал эту шторку убрать.

Капитан нажал кнопку на пульте, шторка уползла в сторону и где-то исчезла. Погас свет, и перед нами засветилось окно в океан.

Здесь было не очень глубоко, и дно под «Афалиной» просматривалось со всеми подробностями. И эти подробности нас не очень обрадовали. На песчаном дне, среди редких кучкова-

тых водорослей, валялись: колесо от самосвала, чей-то оборвавшийся якорь, дырявая стальная бочка, много всякой драной обуви и прочий хлам. Среди него сновали мелкие рыбки, пробежал бочком маленький краб; скользили по песку солнечные зайчики. Ну прямо загаженный газон, в котором копошатся воробьи и вороны.

Капитан поспешил включить свет и «задернуть» шторку. Будто ему было стыдно за это безобразие.

Экскурсия продолжилась. Капитан показывал нам теперь всякие научные механизмы на палубе. «Это – то, а это – это».

– А почему вы ваш кораблик дельфиньей кликухой назвали? – небрежно спросил Алешка.

– Вопрос не ко мне. Игорь Владимирович, – попросил капитан начальника экспедиции Штокмана, – объясните юному коллеге этот факт.

– А можно? – спросил Штокман и погладил свою жидкую бородку.

Капитан молча кивнул, Штокман поправил очки.

– Это судно, юный коллега, предназначалось для боевых и разведывательных действий. И называлось оно, когда проектировалось, очень скучно – «СК».

– Спецкатер, – уточнил капитан. А Штокман продолжил:

– Вам известно, коллега, почему дельфин так быстро плавает?

– Конечно! – заявил коллега Алешка. – Хвостяра у него здоровенный.

Штокман усмехнулся:

– У кита «хвостяра» еще больше. Дело в том, что дельфин имеет под своей кожей специальную группу мышц. И эти мышцы, когда надо, вибрируют и гасят колебания воды вокруг тела дельфина. Ну, как бы вам попроще объяснить... Кожа приспособляется к окружающей среде – и при движении практически отсутствует трение. Это понятно?

– Запросто! – сказал Алешка небрежно. – Ваша «Афалина» обшита не железом, а шкурами дельфинов.

По всему видно было, что Алешка этого не одобрял. Но Штокман засмеялся.

– Примерно так. Обшивка «Афадины» сделана из гибкого, но очень гладкого и прочного материала и тоже имеет что-то вроде внутренних мышц. Специальное устройство, когда нужна максимальная скорость, приводит их в действие. Это понятно?

Алешка кивнул и спросил:

– А где это устройство? И как его включать?

– Это военная тайна, – усмехнулся капитан. – Пошли дальше. Вот это камбуз. Здесь готовится пища.

– А где эту пищу кушают? – спросил Алешка. – Где ваша столовая?

Капитан засмеялся:

– Столовой у нас нет. Прошу в кают-компанию. Стол уже накрыт.

И мы спустились вниз, в кают-компанию. Вот здесь все было понятно. По бортам – мягкие диванчики, в уголке – небольшое пианино, по стенам – всякие картинки с видами всяких далеких стран, а посередине – длинный стол, похожий на бильярдный, с бортиками, накрытый разными блюдами и напитками. Даже салфетки, свернутые в конус, стояли рядом с каждым прибором.

– А зачем эти бортики? – спросил Алешка.

– А затем, – объяснил капитан, засовывая за воротник кителя белоснежную салфетку, – чтобы во время шторма посуда по столу не бегала и на палубу не спрыгивала.

– В старое время... – рассказал толстый кок Сковорода, все время что-то переставляя на столе, – в старое время этих бортиков не знали. Без них обходились.

– Руками посуду ловили? – спросил Алешка.

– Зачем? Опытный кок во время сильного волнения или шторма стелил на стол влажную скатерть. По ней посуда не скользила.

Шторма еще не было и сильного волнения тоже, но Алешка уже этот способ испробовал – облил полстола, открывая бутылку с минералкой.

– Хороший будет моряк, – похвалил его капитан, обтирая лицо салфеткой. Ему шипучей минералки досталось больше, чем скатерти. – Но, вообще-то, нашей «Афалине» никакая качка не страшна.

– Это хорошо, – сказал папа. – Я не люблю морскую болезнь.

– А почему не страшна? – спросил Алешка.

– А потому, – с удовольствием стал объяснять капитан, – что у нее в корпусе есть специальные резервуары со специальной жидкостью. И когда начинается сильное волнение, эта жидкость автоматически перекачивается из одного резервуара в другой. И гасит колебания судна.

– Жаль, – вздохнул Алешка. – Хотелось бы на мокрой скатерти пообедать.

– Тебе этого мало? – спросил папа, кивнув на лужу в центре стола. – Открывай еще одну бутылку.

Капитан поспешно встал. Вытянул за цепочку из кармана круглые часы, щелкнул пальцем по стеклу циферблата и сказал:

– Однако, в шестнадцать ноль-ноль выходим в море. Прошу всех на палубу.

Мы поднялись на палубу.

Над нами – яркое солнце. В борт «Афалины» мелко плещут волны, полные всякого мусора и покрытые радужной пленкой. Пронзительно скрипят горластые ненасытные чайки. Они все время что-то выхватывают из воды, но мусора на ней меньше не становится. Визжат и лязгают портовые краны, вытягивая из бездонных трюмов грузовых теплоходов громадные ящики, огромные сетки, чем-то набитые, связки железных бочек. Складывают их на причал, где тут же шустрые автопогрузчики подхватывают их своими блестящими, вроде здоровенных вил, клыками, приподнимают и куда-то увозят.

Невдалеке от нас стоит молчаливый военный корабль серого цвета. На нем всякие хитрые надстройки, ершатся грозными стволами орудия, а на корме приютился маленький вертолет со сложенными лопастями.

– Давно здесь стоит, – грустно сказал капитан.

– Порт охраняет? – спросил папа.

– Сам себя, – буркнул в ответ Иван Федорович. – Топлива у него мало.

– Временные трудности. – Папа пожал плечами. – Если надо, я могу для них купить солярку. Пусть поплавают.

– Вы лучше что-нибудь для нас купите, – ввернул веселый матрос.

– А тебе мало? – сердито спросил капитан.

– Ага. На сигареты не хватает.

Со стороны открытого моря в порт вошла красивая яхта под всеми парусами. Их у нее было так много, и такие они громадные и пузатые, что казалось – в порт низко, над самой водой, всплывает белоснежное облако.

Капитан пошел на мостик. Алешка – за ним, и тут же начал отдавать ему какие-то приказания, размахивая руками. Капитан послушно взял микрофон, и по судну громко разнеслось:

– Выбрать якорь!

Гремит бегущая из воды черная цепь, по ней стекает вода; и вот цепь исчезает в овальной дырке на носу «Афалины» – якорный клюз называется.

– Отдать носовой!

Матрос выбирает носовой швартовый канат, и яхта чуть отодвигается от причала к морю.

– Отдать кормовой! Самый малый вперед!

Наконец наш корабль отцепился от берега и плавно набирает ход, нацелившись своим крутым и острым носом куда-то вдаль. На южный край света.

По акватории порта «Афалина» шла осторожно, все время лавируя меж стоящими на якорах кораблями. Но как только она оказалась на чистой воде, «Афалина» сделала стремительный бросок, как кошка за мышкой, и, высоко задирая гордый нос, понеслась навстречу приключениям и опасностям...

Мы с Алешкой долго стояли на носу. «Афалина» летела будто не по воде, а над водой.

Плавно шелестели, обегая ее, зеленые и уже совершенно чистые волны.

– Ни фига себе корабль! – с восторгом сказал Алешка. – Настоящий дельфин! Никакая не лошадь.

Казалось, если капитан прикажет прибавить ход, «Афалина» раскинет крылья и помчится в свободном полете, как летучая рыба. Или какой-нибудь альбатрос (вроде спаниеля). От нас даже чайки отстали, замотались, наверное, крыльями махать.

Очень скоро мы замерзли и спустились в отведенную нам каюту. Здесь были две койки, одна над другой, и диванчик у самого иллюминатора. Письменный столик, банкетки и вместительный шкаф. Рундук, по-морскому.

Мы стали осваиваться. Полазили по койкам, попрыгали на диванчике и стали разбирать и укладывать свои вещи.

– Чур, я наверху сплю! – забил себе верхнюю койку Алешка.

Я не возражал, с нее падать выше.

– А вот фиг! – сказал Алешка.

Он щелкнул какой-то задвижкой, и у внешнего края койки появился такой же барьерчик, как и у стола в кают-компании, только обтянутый желтой кожей.

Впрочем, на нижней койке тоже была такая же предохранительная доска.

Я уложил свои вещи на свою полку, а Лешка, разбирая свой чемодан, вдруг громко икнул.

– Ты что? – спросил я. – Морского воздуха надышался?

– Привет от мамы! – сказал Алешка и запустил в меня валенком.

Не поверила, значит, мама. Засунула-таки тайком валенки для Алешеньки. И не только валенки. Алешка откопал на дне чемодана свою старую зимнюю шапку и пару рукавиц.

Шапку он сразу же выбросил в иллюминатор:

– Она мне все равно мала.

А валенки засунул в нижний ящик письменного стола.

Но тут вдруг стремительный ход «Афалины» стал постепенно замедляться. Стихли двигатели, раздались на палубе тревожные голоса матросов.

– На какого-нибудь кита налетели, – предположил Алешка. – Сейчас ко дну пойдем. Пошли посмотрим, интересно ведь.

И мы помчались на палубу, посмотреть, как мы пойдем ко дну. Там, возле капитанского мостика, происходила бурная сцена. Капитан яростно дымил трубкой, а старший механик наступал на него и кричал во весь голос:

– Это вредительство, Иван Федорович! На судне враг! – И при этом он тыкал чуть ли не в нос капитана каким-то мятым бесформенным предметом.

– Наверное, взрывное устройство, – шепнул мне Алешка. – Ща как рванет!

Но оно не рвануло. Оно и само было какое-то рваное.

Оказывается, почему смолкли двигатели? Потому что в их воздухозаборник попал посторонний предмет и плотно его закупорил, а без воздуха, понятно, никакой двигатель работать не может.

– Ну что? Что это такое? – возмущался стармех.

Алешка подошел поближе, взгляделся и задумчиво сказал:

– На старую зимнюю шапку похоже. – Зевнул и добавил: – Пошли, Дим, спать.

А я подумал: хорошо, что он валенки в иллюминатор не швырнул...

В общем, зимняя шапка, превратившаяся в тряпку, полетела за борт, рассерженный стар-мех запустил двигатели, и «Афалина» вновь начала свой плавный бег по морским волнам.

Надо будет, подумал я, и рукавицы поскорее за борт отправить. Вместе с валенками...

Глава III

«Бугенвиль» – 9140 метров

Папа долго не приходил, наверное, обсуждал с капитаном корабля первое происшествие на борту. Мы сначала немного побаивались, что он мог узнать Алешкину шапку, но она была уже в таком виде, что ее даже родная мама не узнала бы. Наша родная мама, не шапкина, конечно.

В общем, мы не стали дожидаться папу и забрались в свои морские койки. Потому что очень устали от всяких впечатлений этого длинного дня. Особенно от перелета через всю большую страну. Ну и «взрывная» шапка нам добавила эмоций.

«Афалина» шла ровно, без всякой качки, чуть слышно работая своими двигателями. Мы погасили свет, оставили только маленький синий плафон под потолком, и смотрели в иллюминатор на бескрайнее море, бесконечное небо и бесчисленные звезды.

– Хочу, Дим, – сказал Алешка, – как-нибудь акулу поймать. Ни разу их не ловил.

– Тебе это надо? – испугался я.

– А как же! Нужно же посмотреть, что она там в своем брюхе таскает. Там же, Дим, такие интересные вещи попадают!

Можно себе представить!

– Всякие бутылки, Дим, со всякими письмами. – Размечтался! – И зубы ей надо пересчитать – сколько их там сотен.

– Как бы она сама нам все зубы не пересчитала. Своим хвостом.

– Ты не романтик, Дим.

Ага, согласен. Ничего романтического не вижу в том, чтобы копаться в брюхе какой-нибудь акулы. Представляю, какая у нее там свалка.

– В одной акуле, Дим, – не унимался Алешка, – часы капитанские нашлись, хронометр называются. И они, Дим, шли – тикали. Здорово?

Здорово. Счастливая акула. Всегда знала, который час, режим дня соблюдала: когда спать, когда вставать, когда за пловцами охотиться. В обеденное время.

С акул Алешка перескочил на свой остров, набитый сокровищами. Стал рассказывать мне, в каком именно месте они запрятаны и что он станет делать, когда их разыщет.

– Прежде всего, Дим, сразу же школу брошу. Зачем богатому человеку учиться, да?

– Богатый дурак, конечно, умнее бедного ученого, – рассердился я.

– Я пошутил, Дим. – И Лешка мгновенно вырубился – здорово устал, и от событий, и от планов.

А папа все не шел. Потом он рассказал нам, уже утром, что засиделся на совещании с учеными.

– И чего вы там насовещали? – с интересом спросил Алешка. Он всегда старался быть в курсе всех дел и событий. Особенно тех, которые его никак не касались.

– Умойся сначала, – сказал папа.

– Потом, – пообещал Алешка. – Свежим морским ветром.

Быстро он освоился на корабле в океане.

– Ладно, – сдался папа, – вам это тоже не мешает знать.

И он подробно рассказал нам о задачах и целях экспедиции.

Никогда бы не подумал, что мирная научная работа может стать опасной для тех, кто ее делает...

Совещание в кают-компании проводил начальник экспедиции Штокман.

– Наша экспедиция, – сказал он, – комплексная. Мы будем изучать многие параметры разных районов Тихого океана. Но главная наша цель – обследовать глубоководную впадину под названием «Бугенвиль».

– И чего вы там потеряли? – удивился наш папа-бизнесмен.

– Сейчас объясню, – Штокман поправил очки и погладил бородку. Он всегда, когда волновался или сердился, поправлял очки и гладил бородку. Наверное, поэтому она и завивалась у него черной запятой. – Весь мир сейчас озабочен очень важной, трудноразрешимой проблемой. Она связана с захоронением радиоактивных отходов. И вот ученые одной из западных стран предложили использовать для этого глубоководные океанские впадины. Казалось бы, неплохое решение: запаять ядовитые вещества в контейнеры и сбросить их на глубину, положим, десять тысяч метров. И даже если контейнеры с течением времени разрушатся, ничего страшного не произойдет...

– Как это не произойдет? – возмутился ихтиолог Рыбкин. – Они расплзутся по всем океанам и морям и погубят в них все живое. А заодно – и все человечество, всю планету. Ведь Мировой океан – основа всей жизни на Земле!

Штокман опять поправил очки.

– Эти ученые высказывают такие утверждения. Во-первых, на таких страшных глубинах нет никаких живых существ из-за колоссального давления воды и полного отсутствия света. А во-вторых, во впадинах нет никаких течений – ни горизонтальных, ни вертикальных. Многокилометровые слои воды совершенно неподвижны и не перемешиваются. И вся сброшенная на дно ядовитая гадость останется на том же месте.

– А если это не так? – Рыбкин вскочил со своего места. Сейчас этот «пушистый» человечек был похож не на одуванчик, а на рассерженного ежика. У которого яблоко отобрали. – А если там есть живые существа, если там имеются течения? Вы представляете, какой глобальной опасности подвергнется океан?

– Вот это и надо нам проверить. И сообщить свои результаты мировой науке. А то ведь, оказывается, на Западе уже существует фирма, которая взялась за это дело. Эта фирма уже закупила контейнеры для отходов и корабли для доставки их и сброса на дно океана. И рассчитывает зарабатывать на этом бизнесе громадные деньги.

Все слушали начальника экспедиции с большим вниманием, даже глухой боцман не хлопал носом, а включил свой слуховой аппарат, похожий на обычный простенький плеер, он висел у него на животе.

– Да, – задумчиво почесал за ухом капитан своей трубкой. – Если надежды этой фирмы не оправдаются, у нее возникнут огромные финансовые проблемы.

– И претензии к нам, – с усмешкой добавил ихтиолог Рыбкин.

Тут и наш папа сказал свое слово.

– Я не последний человек в бизнесе, – скромно заявил он. – И я знаю, какие там действуют волчьи и пиратские законы. А об этой фирме я кое-что слышал в своих кругах. Кажется, она называется «Оазис». Жулики. Если этот «Оазис» не оправдает своих расходов, его люди пойдут на самые крайние меры. Нам нужно быть к этому готовыми.

– Что вы имеете в виду, Сергей Александрович? – тревожно спросил папу капитан. – Надеюсь, не...

– Не надейтесь, – отрезал папа. – Если результаты исследований их не удовлетворят, возможны прямые столкновения.

– С какой целью? – удивился наивный Штокман.

– С целью уничтожить всю полученную вами информацию. И всех нас заодно. Вместе с «Афалиной».

– Это не так просто, – сказал капитан. – В крайнем случае удрать мы всегда успеем.

– Не уверен, – возразил папа.

Нам с Алешкой он объяснил, что нарочно немного сгустил краски. Чтобы никто не расслаблялся и чтобы все были бдительными.

Но ближайшее будущее показало, что эти самые краски оказались еще гуще и чернее.

Да, знать бы заранее, в какой форме эта фирма «Оазис» предъявит нам свои претензии! Да я бы лучше комаров на даче кормил...

Я часто потом, вспоминая наше плавание, думал – каким бы оно было прекрасным и удивительным, если бы нам не мешали жадные и злобные враги.

Вот представьте себе, если сможете... Большой-пребольшой Тихий океан, по которому уже не одно столетие плавали отважные мореходы. Кругом безбрежная синь. На горизонте море сливается с небом. Бежит волна за волной. С тихим плеском, похожим на шорох, режет их острый нос «Афалины». Она идет быстро, но кажется, будто застыла на месте, только неугомонные волны стремительно оббегают ее с бортов.

– Какая красивая глазурь, – с поэтическим восторгом говорит Алешка.

– Лазурь, – поправляю я.

– Какая разница! И так и так красиво.

Почти все время мы торчим на палубе. Вглядываемся в океанскую «глазурь». Иногда над нами парит громадный альбатрос, что-то высматривает. Штокман сказал, что размах крыльев у него (у альбатроса, а не у Штокмана) больше трех метров. Симпатичная птичка. И клювик у нее приличный.

Время от времени мы собираем с палубы летучих рыбок и небольших кальмаров. Они, эти кальмары, тоже, оказывается, могут летать. С помощью своего «реактивного» двигателя, как говорит пушистый Рыбкин.

Алешка относит нашу добычу в камбуз, и кок Сковорода радостно укладывает ее в холодильник.

Очень часто рядом с «Афалиной» – бок о борт – скользит громадная акуля тень. А впереди нее шустрят полосатые рыбки-лоцманы. Наводчики, как говорит пушистый Рыбкин.

Когда нам надоедает торчать на палубе, мы идем в рулевую рубку. Алешка становится за штурвал. Он уже так освоился с «Афалиной», что капитан полностью ему доверяет. Только немного морщится, когда Алешка фамильярно называет ее Фалькой.

Кстати, штурвала как такового на нашем судне не было. Был сложный пульт с кнопками и тумблерами, с голубым экраном, на котором светилась яркая звездочка, обозначающая положение «Афалины» на поверхности океана. Звездочка медленно двигалась на юг.

Алешка становился перед пультом, уточнял у рулевого курс и уверенно держал «Афалину» в нужном направлении. Правда, не всегда...

Однажды наш гидробиолог, подняв на борт планктонную сетку и изучив ее содержимое, радостно завопил:

– Открытие! В этой части Тихого океана никогда не было такого типа планктона! А теперь есть!

Никто еще ничего не успел сообразить, а капитан уже бросился в рубку. Взял Лешку за ухо, отстранил от пульта и проверил курс... «Афалина» уже два часа шла совершенно не туда, куда ей было нужно.

– Я хотел на минуточку к одному острову свернуть, – безмятежно объяснил Алешка. – Кое-что там проверить. А что, нельзя, что ли?

И я до сих пор точно не знаю: играл ли он роль взбалмошного бестормозного сыночка олигарха или в самом деле решил «завернуть на остров».

...А мы все плыли и плыли.

Южная ночь. Водная гладь. Над ней незнакомые яркие звезды. «Афалина» идет своим научным курсом. Идет плавно, упорно – кажется, ничто ее не остановит. Ни жестокий шторм, ни подводные мели, ни коварные пираты...

Она останавливается только тогда, когда в нужной точке ученые делают свое дело. А дел у них – выше крыши! Они проводят замеры глубин, определяют соленость и температуру воды в разных уровнях, отлавливают планктон, всяких рыб и животных, наносят на специальные карты рельеф океанского дна. В общем, всего не перечислить.

Мы с Алешкой допоздна засиживались на палубе, возле спасательной шлюпки, и любовались океаном и звездным небом. Все это было так необъятно, так непостижимо... Просто чудо какое-то. А когда мы уставали от этого великолепия, то спускались в кают-компанию – послушать научные споры и всякие интересные и загадочные морские истории. А иногда это были простые шуточные разговоры о жизни. Больше всех говорил ихтиолог Рыбкин. Он был жутко болтливый. Любая тема разговора будто открывала в нем какой-то фонтан красноречия. Он был великий спорщик. Кто бы что ни сказал, Рыбкин всегда обрывал его и говорил сердито:

– А вот и нет! Вы глубоко заблуждаетесь, коллега. Утверждение, что тигровые акулы предпочитают на завтрак именно белого человека, – это глубочайшее заблуждение. Гастрономические пристрастия акул еще недостаточно изучены. Вот например, в море плавает белый человек. Извините, вполне для акулы вкусный. Тогда почему она бросается с распахнутой пастью не на него, а на старый и несъедобный баллон автомобильного колеса? А?

– Извините, коллега, это с вашей точки зрения резиновый баллон несъедобен. А может быть, он необходим акуле для улучшения пищеварения, перед тем как схватить на обед белого человека? Не допускаете?

– Вы, пардон, какой-то бред несете, коллега! – Рыбкин вспыхивал как спичка. – Тогда почему вы сами перед обедом не глотаете десяток булыжников? А?

– Я не акула.

– Возможно. Но то, что вы людоед, это всем известно.

И этот Рыбкин, самый болтливый человек на судне, говорил Алешке:

– Знаешь, за что я люблю рыб? Потому что они молчаливые.

Ну да, это нам понятно. Когда Рыбкин говорит, они помалкивают, слушают его умные речи, шевеля жабрами.

Наш Алешка, конечно, в этих дискуссиях не помалкивал:

– А я бы всех этих ваших акул!..

– Сам бы съел? – засмеялся веселый матрос.

– Глупости! – Рыбкин из ежика опять стал одуванчиком, заговорил с нежностью: – Акулы – милейшие существа, ценнейшие и полезнейшие рыбки. – Тут он стал загибать пальцы: – Целебная печень. Великолепная кожа. Высококалорийное мясо.

– Суп из акульих плавников! – сладко зажмурился кок Сковорода.

– А какие зубки! – ехидно добавил гидролог Кошкин. – И как их много!

– К вашему сведению, – добавил Рыбкин, – акулы поддаются дрессировке. – Тут он, немного смутившись, честно, как ученый, поправился: – Не совсем так, конечно, но договориться с ними можно. Я знал одного американского ученого, который целый год провел в стае акул. Он изучал их образ жизни, повадки, вкусы. Вместе с ними охотился. Подготовил очень интересную книгу. – Тут Рыбкин немного поник головой. – Но, к сожалению, не успел ее опубликовать...

– Не договорился, значит, – безжалостно сказал Алешка. – По вкусу им пришелся.

– Ваши акулы, – напал гидролог на ихтиолога, – очень вредные существа. Они мешают науке!

И тут он стал очень интересно рассказывать, как в свое время ученые изучали морские и океанские течения с помощью бутылочной почты. Оказывается, они закладывали в пустые

бутылки записки с указанием координат и бросали их в море. Потом бутылку кто-нибудь обнаруживал на другом конце океана и сообщал об этом ученым. А они таким образом узнавали какое-нибудь течение.

– И сколько этих бутылок, – горячился гидролог, – находили в брюхе акул! Какие уж тут данные! Шляются ваши акулы по всему Мировому океану.

– Шарлатанство! – возмущался Рыбкин. – Бутылка плавает на поверхности. Любой ветер изменит ее курс. Вот вам и течение!

– А вот и нет! Вы просто темный человек! На дно бутылки насыпали песок, и она плавала только чуть высунув из воды свое засургученное горлышко. Влияние ветра исключается!

Алешка эту тему прослушал с особым вниманием. И стал собирать пластиковые бутылки. И складывать их в письменный стол.

– Я, Дим, – объяснил он, – буду маме письма в них посылать.

– ?

– Ну, Дим, вот мы вернемся к родным берегам, мама спросит: «Что ж ты, Ленечка, мне не писал письма?» А я ей: «Да я тебе сто бутылок писем написал!»

Вот хитрец! Не знаю только, где он песок найдет, чтобы в бутылки засыпать. Кругом одна вода. Да и та морская.

Нашел-таки! Стал захаживать в камбуз к Сковороде и выпрашивать у него сахарный песок: «Мы с папой вечерами чай пьем, нам много сахара надо».

В общем, жили мы очень интересно. Особенно по вечерам, в кают-компании, за всеми этими разговорами. Наш папа в них тоже принимал самое активное участие. И иногда порол такую чушь, что за него становилось стыдно. А иногда вдруг задавал такие вопросы, что нам становилось ясно – эти вопросы неспроста!

– А вот я, – важно рассказывал папа, – прочитал в газете, как одна акула помогла раскрыть преступление.

– Преступника съела? – ехидно спросил Рыбкин. – И отравилась!

– Нет, зачем же? – Папа наивно распахнул глаза, совсем как Алешка. – Она съела его пистолет.

– Вместе с патронами? – продолжал ехидничать Рыбкин.

– Нет, зачем же? – терпеливо повторил папа. – Патроны уже были израсходованы. При ограблении банка. Преступник потом выбросил пистолет в море, акула его проглотила, ее случайно поймали и обнаружили в брюхе оружие. Установили владельца и задержали его. Так прямо в газете и было написано.

– Чушь какая-то! – возразил Рыбкин. – Не может такого быть!

Папа чуть заметно усмехнулся. Мы с Алешкой – тоже. Потому что знали эту историю. И вовсе не из газет. Папа сам расследовал это дело. Вот тебе и «не может быть!»

А капитан папу поддержал.

– У нас тоже был случай. На море. С акулой. В брюхе – бутылка, там отчаянная записка. «Наше судно «Глория» идет ко дну. Капитан и экипаж покинули судно на шлюпке, оставив нас на тонущем корабле. Боже! Покарай их!»

– Ну и что? – заинтересованно спросил Алешка. – Покарал?

Капитан кивнул:

– Прямо из шлюпки – в тюрьму.

Веселенькая история!

Но все-таки наш папа был больше слушателем, чем говоруном. Он чаще всего помалкивал. Как глуховатый боцман Шмага со своим насморком. Как только начинались научные разговоры, боцман вешал на шею свой слуховой плеер, втыкал в ухо наушник и зыркал глазами по сторонам. Будто они ему слушать помогали.

– Очень любознательный моряк, – с уважением говорил о нем начальник экспедиции. – Он обогащает свой ум и знания. Я очень уважаю таких людей.

Боцман шмыгал носом и слушал.

Он был не только любознательный, но и очень застенчивый человек; наверное, из-за своего насморка и плохого слуха.

А вот нашего Алешку не смущали никакие разговоры, даже самые научные.

Как-то ихтиолог Рыбкин предложил:

– Представьте, что вы отправляетесь в долгое космическое путешествие. Ну, представили? Вы можете взять с собой с Земли три самые дорогие и любимые вещи. Что бы вы взяли?

Ну, тут все разгорячились. Кто-то хотел взять с собой любимые книги, кто-то музыку Чайковского, кто-то трех любимых девушек (это веселый матрос), кто-то горсть родной земли (три горсти родной земли), кто-то три плитки шоколада, кто-то три бутылки вина (это боцман), а Лешка сказал:

– Я возьму папу и маму. И соседскую кошку. Потому что у нее нет ни папы, ни мамы.

– А Диму? Разве его не возьмешь? – ужаснулся капитан Флинт.

Алешка не смутился:

– А кто же будет за квартиру платить? И посылки нам в космос слать?

– А я бы, – мечтательно сказал Рыбкин, – взял с собой баночку с тремя простыми земными карасями. Пусть они виляют хвостиками и напоминают мне родные подмосковные пруды.

– Взяли бы уж лучше, коллега, три баночки шпрот.

А папа ничего не сказал. Но по его глазам я понял, что уж он-то взял бы с собой в космос трех самых опасных преступников и выпустил бы их там на волю. В черное космическое пространство. Безвоздушное.

Вот так мы и плыли. Работали, шутили, задумывались и мечтали. И наконец прибыли в район глубоководной впадины по имени знаменитого французского мореплавателя Бугенвиля.

– Вот тебе раз! – сердито сказал капитан, когда механики застопорили машины и «Афалина» легла в дрейф на плавной океанской волне. – Тебя тут только не хватало!

В нескольких милях от нас маячила серая туша военного крейсера. Капитан взял бинокль. Папа – тоже.

– Американец, – сказал капитан.

– Точно, – подтвердил папа. – Приятное соседство.

– А чего ему тут надо? – спросил Алешка. – Этому американцу?

– Американцам везде чего-то надо, – проворчал капитан и стал отдавать команды для подготовки к исследованиям.

А папа долго стоял на мостике с биноклем, разглядывал чужой корабль, а потом тихо сказал капитану:

– Он ведет наблюдение за нами. Сейчас разведку вышлет.

И точно – через две минуты с палубы крейсера поднялся вертолет и направился к нам, сверкая лопастями винта в синем небе. Весь наш экипаж высыпал на палубу, даже боцман с плеером.

Вертолет приблизился к «Афалине», снизился так, что даже стала видна голова пилота в шлеме, и начал кружить над нами. Иногда так низко, что казалось, он вот-вот коснется своими поплавками поверхности океана.

– Чтоб ты свалился! – в сердцах сказал Алешка.

И даже боцман что-то пробурчал неразборчиво. А капитан погрозил пилоту кулаком. И тот, будто испугавшись, свернул в сторону, помчался к своему кораблю и быстренько сел там на свое место.

– Вот так! – гордо сказал капитан. – Не нравится тебе кулак российского моряка.

– Это ему моя фи́га не понравилась! – заспорил Алешка.

– Что? – возмутился капитан. – А ну, покажи!

Алешка показал. Капитан презрительно рассмеялся:

– Да такую фи́гу и в микроскоп не разглядишь. Вот у меня – фи́га так фи́га. – И он снова сложил свою ладонь-лопату в здоровенный кулак.

– Не нравится мне это соседство, – сказал папа капитану. – Оно не случайное.

– Сергей Александрович, – капитан положил свою лопату папе на плечо, – «Афалина», я вам скажу, в какой-то степени неуязвимое судно.

– Разве что, – вздохнул папа. – Но меня вовсе не «Афалина» тревожит.

А Лешка в тот же день отправил маме свое первое письмо в бутылке с сахарным песком. Мне удалось подглядеть в этом письме три строчки. «...В Тихом океане очень хорошо. Плавают акулы и летают вражеские вертолеты. Я один вертолет сбил валингом, а другой зимней шапкой. А капитан сбил свой вертолет своей фигой... Сахарный песок чистый, можешь пить с ним чай...»

Интересно, если это письмо и в самом деле разыщет нашу маму, она будет смеяться или плакать? Скорее всего – смеяться до слез.

Глава IV

Пираты с пиастрами

Не обращая внимания на нахального «американца», на «Афалине» стали разворачиваться работы.

Автоматический эхолот показал в этой точке впадины глубину девять тысяч метров.

– Отсюда и начнем, – решил Штокман. – Готовьте ловушку. И вертушку.

Ловушка – это что-то вроде стальной банки. Она скользит вниз по тросу, до самого дна, с разинутой пастью. А на нужной глубине ее догоняет, тоже по этому тросу, специальный грузик. Догнал – бац! – ловушка захлопнулась. И все, что есть на этой глубине, оказалось у нее внутри. Остается ее поднять и изучить содержимое.

А вертушка – барабанчик с лопастями. Его тоже по этому тросу опускают на нужную глубину. И если он начинает вертеться, значит, там есть течение. И его скорость и направление автоматически передаются на «Афалину».

Мы с Алешкой уже побывали в трюме, где стоит этот барабан с тросом. Вы ахнете! Представьте себе трос длиной в четырнадцать километров! А веселый матрос, который командовал этой ловушкой, еще больше нас удивил.

Алешка сказал:

– Фигня какая-то! Он как разматается на всю длину, так и оборвется. Под своей тяжестью.

– Не надейся! – сказал веселый матрос. – Не ты один такой умный!

– Ты тоже, что ли? – спросил Алешка.

– А как же! Этот трос вначале тоненький-тоненький, а потом все толще и толще. Когда весь разматается, он толщиной уже в руку.

– Неслабо! – признал Алешка.

Вообще на нашей «Афалине» было много таких чудес. Но Лешке больше всего понравилась темная комната. И он все время спускался в нее и мешал работать наблюдателю.

Когда опустили ловушку, Алешка опять шмыгнул туда и улегся рядом с экраном. Но ничего интересного не было. Глубина большая, черная, только изредка мелькнут рыбешки, вальяжно проплывет розовая медуза.

– Скучно? – спросил его наблюдатель.

– Не очень.

– Ты тогда здесь побудь, ладно? А я – на палубу, сейчас ловушку поднимут, интересно взглянуть.

Он выключил съемочную камеру и удрал на палубу. А Лешка остался созерцать черные глубины. И, как оказалось, не зря.

Работа на судне шла четко. Каждый знал свое дело. И все помогали друг другу. А с палубы американского корабля время от времени поднимался вертолет и вертелся вокруг нас. Но до него никому не было дела. Казалось бы...

Во время обеда Алешка вдруг, ни к кому не обращаясь, работая ложкой в тарелке, сказал:

– Ну и вертолет у них. Дурацкий.

– Почему дурацкий? – спросил старший механик. – Очень надежная машина. Маневренная, устойчивая.

– Очень надежная! – Алешка так фыркнул в тарелку с флотским борщом, что капитан опять схватился за салфетку. – Очень надежная! Только почему-то с нее все время что-то падает.

Капитан и папа одновременно вскинули головы и переглянулись.

– Что падает? – спросил папа.

– Барахло какое-то, – отмахнулся Алешка. – Вроде мусора. А может, он сам разваливается. Потихонечку. Я второе не буду, – Алешка вскочил. – У меня наблюдения простаивают. Я там такое открытие сделал!

– О господи! – вздохнул папа.

– А чего? – обиделся Алешка. – Всем можно открытия делать, а мне нельзя?

– И что же ты открыл? Надеюсь, не подводный люк?

Алешка, убедившись, что в кают-компании никого, кроме нас, не осталось, шепнул:

– Двуногую рыбу. Всю в пузырях. Прямо под нами проплыла. Только Рыбкину пока не говорите. Это ему сюрприз будет.

Капитан и папа опять переглянулись.

Капитан встал и вышел. И очень скоро вернулся:

– Сергей Александрович, я попрошу вас подняться на палубу.

Мы, конечно, за ними.

Капитан и папа стояли на мостике, а мы у них за спиной.

– Наблюдайте, Сергей Александрович, – сказал вполголоса капитан, – я сейчас дам команду включить акустическую защиту. – Он щелкнул на панели управления каким-то тумблером и что-то сказал, нагнувшись к микрофону.

Ничего особенного не произошло. Только недалеко от нас на поверхность моря вылетело что-то вроде черной круглой пробки. Вроде чья-то башка.

– Аквалангист, – сказал папа. – Тот самый мусор, что вертолет сбросил.

– Шпионская морда! – выругался капитан. – Двуногая рыба. Ничего, он теперь неделю глухим будет. Как наш боцман.

Потом мы узнали, что, как боевой корабль особого назначения, «Афалина» была оборудована системой акустической защиты от вражеских подводных диверсантов. Чтобы, например, никто из них не мог подкрасться к ней и заложить мину.

Система очень простая. Вроде Алешкиного визга. Или свиста. Особый прибор создавал под водой вокруг корпуса корабля ультразвуковой защитный пояс. Для аквалангиста это все равно что рывкнуть ему в ухо самой большой духовой трубой. Или трахнуть по башке самым большим барабаном.

Тем временем вертолет снова сорвался со своей площадки и низко-низко над водой помчался к аквалангисту. Под брюхом вертолета на тонком тросе висело что-то вроде корзинки. Она подцепила его и втянула в брюхо вертолета. Где, надо думать, ему оказали первую помощь, как пострадавшему от артобстрела.

– Не нравится мне это, – сказал папа.

– Да наплевать, – легкомысленно отмахнулся капитан.

– Кто-то корректирует их действия.

– С моего борта?

– С вашего борта.

– Не может этого быть!

– Может, – просто и спокойно сказал папа. – У нас на борту – вражеский человек. Подумайте, кто это может быть.

– Из экипажа – никто! – твердо произнес капитан. – Я сам его формировал. Я отбирал каждого матроса, как саженец для своей дачи.

– А ученые? – спросил папа. – Их вы хорошо знаете?

– Совсем не знаю. Но знаю точно: если среди них есть враг, то это Рыбкин!

– Почему?

– Болтает много. И все время спорит.

– А если бы он много молчал, – улыбнулся папа, – и совсем не спорил, тогда как?

Капитан вздохнул. И признался откровенно:

– Тогда еще подозрительнее...

Через несколько дней «Афалина» поменяла место своей станции. Станцией ученые называют пункт, где проводятся очередные исследования.

– Еще одна станция, – сказал капитан, – и у нас будет большое событие.

– Будем с крейсером воевать? – обрадовался Алешка.

– Больно надо, – пренебрежительно отозвался капитан. – Будем пересекать экватор. По традиции – праздник Нептуна. Карнавал, веселье и прочее.

– Я в акулу наряжусь, – сказал мне Алешка.

– Это как? – удивился я. – Бутылку с письмом проглотить? Или капитанский будильник? Тоже придумал! Все будут веселиться, а ты будешь тикать. Животом.

– Ты не романтик, Дим, – вздохнул Алешка. И сообщил по секрету: – У Рыбкина, Дим, вставная челюсть. Я ее свистну на время – представляешь, какой буду зубастый! Настоящая акула.

– Представляю, какой Рыбкин будет беззубый.

– Ничего, я зато его обрадую. Я же для него открытие сделал. Он из-за этого моего открытия академиком станет. Мне не жалко.

– Какое опять открытие? – Тут я здорово насторожился. По опыту знаю: когда Алешка делает открытие, нужно держаться от него подальше. И от Алешки, и от открытия.

– Я, Дим, новую рыбу открыл! Двуногую!

– Еще одну? Может, ты и бескрылого оленя откроешь? – Я усмехнулся. – И большая рыба?

– С тебя ростом, – разозлился Алешка. – Только умнее!

Я не обиделся. На Алешку трудно обижаться. Он ничего не делает со зла, все от чистого сердца.

– Это не еще одна, а та же самая рыба, – доходчиво объяснил мне Алешка.

– Это же аквалангист, – доходчиво возразил я.

– А Рыбкин об этом не знает.

Доходчивей не скажешь. Я только вздохнул.

– А ты, Дим, на Нептуне кем нарядишься? Давай Дедом Морозом! Валенки у нас есть, рукавицы тоже. Я тебе зеленую бороду из водорослей сделаю – у биологов их полно, даже с ракушками.

Еще не хватало! Дед Мороз с зеленой бородой, украшенной ракушками.

И тут меня осенило. Чего проще!

– Леха! Я дурачком наряжусь.

– Клево! У тебя получится.

Спасибо за комплимент.

Работа работой, а подготовка к празднику тоже шла полным ходом. Веселый матрос взял на себя все руководство этим важным делом: пересечение экватора – огромное событие в жизни каждого корабля и его экипажа. Особенно для тех моряков, которые пересекают экватор первый раз в жизни.

Веселый матрос не только подготовил сценарий, распределил роли, но и помогал всем сооружать костюмы.

– Дим, – спросил он меня, – а ты кем хочешь быть? Хочешь, морским чертом тебя наряжу? Или русалкой? У Рыбкина есть в коллекции отличный засушенный хвост акулы. Я тебе его к ногам присобачу, хочешь?

– А как я буду ходить этим хвостом?

– А зачем тебе ходить? Сядешь возле трона Нептуна и будешь петь какую-нибудь дурацкую песенку.

– Это я и без хвоста могу.

Но моя идея все-таки созрела: я наряжусь дурачком. Костюм очень простой: на пузе – плеер, в ухе – наушник, глаза – сонные и тупые. И нужно еще в такт музыке кивать башкой.

Да, но вот свой плеер мы с Алешкой в плавание не взяли. Валенки захватили и зимнюю шапку тоже, а плеер забыли. Ничего, попрошу на время у боцмана его слуховой аппарат – он на вид вылитый плеер. И я пошел к боцману Шмаге. Или Шмыге.

Постучал в дверь его каюты. Никто мне не ответил – это понятно, он же плохо слышит. И я вошел в каюту. Но боцмана там не было. Зато его слуховой плеер лежал на столике у койки. Я взял его примерить – повесил на пузо, вставил наушник и ткнул наугад какую-то красную кнопку. И вдруг в наушнике послышался какой-то неясный шум, писк морзянки, и кто-то четко сказал грубым голосом:

– На связи. Что у тебя, Алик?

Я растерялся и брякнул:

– Ничего особенного. Хвост для русалки.

В ответ – ругань и грозные слова:

– Нажрался? Еще раз выйдешь в эфир пьяным, я тебя расстреляю. Отбой.

И я опять ткнул какую-то кнопку. Шум в наушниках исчез.

Что за фигня? Неужели такой мощный аппарат? Даже чьи-то переговоры по радиации хватает.

Тут за моей спиной отворилась дверь, и вошел боцман. Хорошо, что я успел снять с себя его прибор.

– Здравствуйте, – сказал я. – Вы не дадите мне свой аппарат на праздник? Это будет мой костюм, под дурачка.

Боцман непонимающе посмотрел на меня, а потом отвернул манжету и взглянул на часы:

– Полтретьего. А ты уже опять проголодался?

Теперь уже я тупо заморгал. Потом сообразил, что он плохо слышит и, видимо, по-своему понял мой вопрос: «Который час? И скоро ли будет обед?»

Тогда я объяснился знаками: показал на «плеер» и ткнул себя пальцем в пупок. Боцман тоже ответил знаком: молча показал мне фигу и распахнул передо мной дверь.

Жаль. Что ж, придумаю что-нибудь другое.

Лешка со своими открытиями как в воду глядел. Будто предсказал. Наутро случилось знаменательное событие: глубоководный трал поднял с глубины девять километров неведомую науке рыбу. Это просто праздник какой-то! Событие мирового значения! Рыба была небольшая, вроде шуки, но такая страшная, просто уродина. Да еще с какой-то удочкой на носу. А на конце этой торчащей вверх удочки болтается какой-то шарик.

– Это приманка, – объяснил радостный Рыбкин. – Там же, на дне – вечная тьма. А этот шарик светится. И приманивает добычу.

Здорово, конечно, но уж очень она страшная. Я бы к такой рыбе ни на какую приманку не пошел.

– Страшная... – заступился за рыбу Алешка. – Поживи на такой глубине, да еще в вечном мраке. Это не то что моя двуногая.

А начальник экспедиции уже стоял на палубе с бутылкой шампанского. А за его спиной – кок Сковорода с подносом, на котором позвякивали блестящие на солнце бокалы.

Начальник экспедиции сказал речь, поздравил Рыбкина и весь коллектив и добавил:

– Ну вот, а все говорят, что на такой глубине нет жизни. Жизнь есть везде! – Он осушил свой бокал до дна.

Вообще было весело. Можно подумать, что мы подняли со дна океана не какое-то явно несъедобное страшилище, а сундук с золотом. Но всех это страшилище очень радовало. Лишь боцман почему-то был к нему безучастен. Он только слушал и молчал. И щелкал кнопками слухового аппарата.

Счастливый Рыбкин даже не допил свое вино и тут же помчался в лабораторию – сделать необходимые записи и заспиртовать рыбу. Как вещественное доказательство, что жизнь есть везде. Даже в немыслимых черных глубинах океана.

Вслед Рыбкину неслись поздравления. И шутки. Даже боцман пошутил:

– Отдал бы ты ее коку, на ужин.

Рыбкин при этом чуть не сорвался с трапа и покрепче прижал свое драгоценное страшилище к груди. А что с ним будет, когда Алешка наврет ему о своей двуногой рыбине! Интересный народ, эти ученые. Штокман как-то за ужином рассказал, что один ученый-энтомолог, который букашек изучает, открыл неизвестного крошечного паучка и сошел с ума от радости. И назвал этого паучка именем своей жены. Они, наверное, жена и паучок, чем-то похожи были.

– Числом ног, что ли? – свредничал Алешка.

Возможно: или у паука всего две ноги, или у жены ученого шесть ног.

Во всяком случае, Алешку так поразил этот рассказ, что он тут же пересказал его маме в очередной бутылке с сахарным песком.

– Дай посмотреть, – попросил я, когда Алешка вложил письмо в конверт.

Он нехотя вынул и протянул мне листок со своими каракулями.

«Дарагая мама! Нам тут очень весело. У жены одного ученава оказалось шесть ног. И он сашел с ума от радости. А ихтеандер Рыпкин поймал страшилищче с удачкой на носу. И тоже сашел с ума от радости...»

Как бы и наша мама... от радости... Подумает еще, что мы не в экспедиции в Тихом океане, а на экскурсии... в сумасшедшем доме.

Я так и сказал Алешке. А он усмехнулся и успокоил меня:

– Дим, наша мама умная.

Жизнь на судне шла своим чередом. Мы даже начали забывать, что папа здесь на задании. А он не забывал. Правда, это было совсем незаметно. Он только болтался по кораблю и трепался со всеми (извини, папа), кто ему попадался на пути. И задавал всякие смешные вопросы. И выслушивал смешные ответы. И всем нравилось, что этот богач такой наивный и простой. И старались рассказывать ему и объяснять как можно больше и подробнее. Тем более что папа очень внимательно их слушал. Это называется сбор информации.

И, конечно, папа все время «просеивал» эту информацию в своей голове. И, видимо, что-то там оставалось – важное и ценное. Потому что он становился все озабоченнее, правда, только тогда, когда находился наедине с нами или с капитаном. А так он был все время весел, любопытен и в хорошем настроении.

Мы с Алешкой, конечно, забыли о своих ролях детей олигарха. Да и не знали мы этих ролей, никогда такими детьми не были и с такими детьми не общались. И оказалось, что такое нормальное поведение сослужило нам хорошую службу. Нас приняли в коллектив и относились к нам без настороженности, открыто.

– Нормальные хлопцы, – сказал как-то кок Сковорода. – И лопают как нормальные люди. Я боялся, что капризничать будут, деликатесов требовать, а они – нет, метут все подряд. Кабы нам из-за них голодом не сесть. А вообще мне любо, когда люди хорошо едят. И приятно, и полезно. И коку авторитетно.

Мы с Алешкой уже так привыкли к жизни на корабле, что наша «Афалина» казалась нам чьей-то гостеприимной дачей, куда нас пригласили погостить. Мы были в курсе всех научных дел и личной жизни каждого матроса и ученого. Вот только с боцманом мы мало общались из-

за его глухоты и нелюдимости. Хотя моряк он был, как сказал капитан, справный. Все хозяйство на корабле, которым заведовал боцман, всегда было в исправности, всегда безупречно работало и блестело чистотой.

А экватор приближался. Мне даже казалось, что наши ботаники и биологи с ихтиологами больше занимаются приготовлениями к празднику, чем своей любимой наукой. Все секретничали, шептались, перемигивались и шутили. Особенно над Рыбкиным.

– А Рыбкин, – говорил веселый матрос, – проглотит живьем двух летучих рыбок, запьет их двумя литрами воды и будет изображать из себя аквариум.

– А ты, – взрывался Рыбкин, – проглотишь живьем морскую змею и будешь изображать из себя террариум.

И вот этот день настал. На палубе зазвонил колокол, зазвучал в динамиках гимн. И на мостике появился наш капитан. Настоящий Флинт. В старинном камзоле, в треуголке, с пистолетами и абордажной саблей за поясом и с мушкетом на одном плече. А на другом плече сидело чудело красивого попугая величиной с откормленного индюка.

– Матросы! – воскликнул капитан. – И пассажиры! Через несколько минут наше славное судно пересечет экватор нашей славной планеты! По старинному обычаю мы должны оказать внимание и почести владыке морскому Нептуну. Чтобы слал он нам всегда попутные ветры. Чтобы загонял в наши сети большую рыбу. Чтобы ярко светили нам путеводные звезды. Чтобы под килем «Афалины» не было скал, мелей и коварных рифов. Готовьте дары царю морскому!

Тут он выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух. И сейчас же из люка показалась голова морского царя, а за ней все остальное. Морской царь Нептун (старпом по должности) был в золотой короне набекрень, с трезубцем в руке и с длинной зеленой бородой, усыпанной мелкими ракушками.

– Дед Мороз какой-то, – шепнул мне Алешка. – Экваториальный.

Алешка был в костюме морского чертенка. Костюм был простой: Алешка вымазал лицо черной краской и привязал сзади веревку, вроде хвоста. Но чертенок он был настоящий. Он тут же перегнулся через борт и завизжал во все свое горло с возмущением:

– Ну! И где он, этот ваш экватор?

– Цыц! – стукнул Нептун своими вилами в палубу. – Экватор есть воображаемая линия!

– Горизонт тоже – воображаемая, – возразил Алешка. – А его видно. Вон он! Со всех сторон.

– Уймите чертенка! – грозно приказал Нептун. – Я из-за него всю свою речь забыл. – И повернулся к капитану: – Ну, докладывай, капитан, что за судно твое, что за люди на нем? Откуда идете и куда курс держите?

Капитан сделал царю морскому легкий поклон и доложил:

– Судно наше – славного российского флота. Люди на нем – знатные мореходы и великие ученые. А работа наша – помогать океану Мировому содержаться в чистоте, изобилии и порядке. А курс мы держим на...

– Остров сокровищ! – перебил его Алешка своим звонким голосом.

– А вот ты, неугомон, – повернулся к нему Нептун, – первым получишь свою порцию.

Загадочные слова, однако. Порцию чего? Морских плетей? Или праздничного торта? Алешка на всякий случай притих и намотал свой хвост на руку. Потому что на него все время кто-нибудь наступал. Это было не больно, но остаться без хвоста на празднике – обидно. Потому что там практически все были с хвостами: черти, русалки, морские чудовища. И даже из-под мантии самого Нептуна высовывалось в самом низу что-то вроде хвоста. Потом, правда, выяснилось, что у него просто спадали брюки из-за лопнувшего ремешка.

В общем, все пошло своим чередом. Нептун получил свои дары и дань уважения, пообещал счастливого плавания, попутных ветров, семь футов под килем.

– Нам, вообще-то... – возразил начальник экспедиции, со вкусом и выдумкой наряженный джентльменом (костюм, белая рубашка, галстук), – нам, вообще-то, нужно не семь футов под килем, а десять миль.

– Обойдетесь! – рявкнул Нептун и протянул руку к капитану.

Тот передал ему листок бумаги. Мы и не знали, что началось самое главное. Это был список тех членов экипажа, кто пересекал экватор первый раз в жизни. И по морскому обычаю они должны были пройти посвящение в настоящие моряки. Путем купания в морской воде. Причем не в плавках, а в чем есть, в чем одеты и обуты.

Тут же свита морского царя раскинула на палубе спасательный плот, он автоматически включился от баллона со сжатым воздухом, в три секунды надулся и стал похож на небольшой резиновый бассейн.

Веселый матрос включил насосы, бассейн наполнился океанской водой. И тут же началась паника – некоторые граждане мореходы начали разбегаться. Особенно начальник экспедиции в своем парадном костюме. Пока свита за ним бегала, пытаясь его поймать, он шустро раздевался на бегу. И скоро остался только в трусиках и лакированных туфлях. И в галстук.

– Отставить! – рявкнул Нептун и грозно ударил своими вилами в палубу. – Вот этого вредного чертенка, – он указал трезубцем на Алешку, – первого!

Так вот что за положенная порция! Порция морской воды.

Два пирата схватили Алешку за руки за ноги, раскачали его и швырнули в бассейн. Он только хвостиком махнул.

– Славно! – одобрил Нептун. – Вот и еще один моряк родился. Следующий!

Следующим оказался начальник экспедиции, а свита уже гонялась за Рыбкиным, который истошно вопил:

– Меня нельзя! Я не умею плавать. – И он так резво бегал по палубе, что на него махнули рукой, решили взять хитростью.

Одним словом, все, кому положено, оказались в бассейне. И я в том числе. И пострадал меньше всех. Потому что веселый матрос нарядил меня простенько и со вкусом – в свой берет, на который вместо помпончика прикрепил шахматного коня. Стало быть, я был морским коньком.

А папу нашего не купали. Оказывается, он на своей яхте, в своей молодости, еще до встречи со своей женой этот самый экватор пересекал два раза – туда и обратно.

А из бассейна все вылезали и вылезали новые моряки в таких размокших и бесформенных костюмах, что казались пострашнее той самой рыбы, которую выловил не умеющий плавать Рыбкин.

Нептун поздравил всех и объявил торжественный салют. По бортам вспыхнули фальшфейеры, загремели петарды, взвились в небо разноцветные ракеты. Поднялся такой шум, крики, визги, грохот, что мы все едва слышали отчаянный крик:

– Человек за бортом! Рыбкин!

Глава V

«Человек за бортом!»

Такой крик на море – самый тревожный.

И как только он раздался, веселый матрос вскочил на фальшборт и прыгнул в воду.

– Стоп машина! – скомандовал капитан. – Шлюпку на воду! Круги за борт!

Мне стало страшно: ведь Рыбкин не умел плавать! Мы все столпились у левого борта, ближе к корме, и не отрываясь смотрели на воду, по которой еще заметно бежал бурливый след «Афалины». И в этой бурлящей воде с трудом различались две головы. Успокаивало только, что они были совсем рядом друг с другом. Но уже очень далеко от корабля. Правда, веселый матрос одной рукой поддерживал Рыбкина, а другой изо всех сил подгребал к спасательному кругу. А к ним уже неслась, высоко задрав нос, моторная шлюпка.

Слава богу, все обошлось. Шлюпка подобрала «человеков» за бортом и доставила их на судно.

Рыбкин едва держался на ногах от пережитого страха. А веселый матрос как ни в чем не бывало подтрунивал над ним:

– Какой же ты Рыбкин, если плавать не умеешь? А если не умеешь, зачем за борт прыгнул?

– Я не прыгнул, – заикаясь, ответил Рыбкин, – я упал... – Тут он осекся, поморгал глазами, хорошо промытыми соленой водой, и сказал: – Капитан, я хотел бы поговорить с вами. Наедине.

Капитан что-то смекнул и ответил так, чтобы никто не догадался – что именно.

– Вы хотите, чтобы я объявил благодарность вашему спасителю? Я это сделаю. – Он торжественно пожал руку веселому матросу, назвал его героем и пообещал представить его к награде.

В каюте капитана находились: сам капитан, наш папа, потерпевший Рыбкин и, конечно, мы с Алешкой.

– Что же вы так неосторожно, – пожурил капитан Рыбкина, – разве можно падать за борт? Особенно, не умея плавать.

– Я не падал, – тихо ответил Рыбкин, – меня кто-то выбросил за борт.

– Что?! – капитан вскочил в гнев.

А папа – нет; он сидел спокойно, будто все уже знал. Вот только предусмотреть не сумел.

– Меня кто-то выбросил, – повторил Рыбкин. И, запинаясь, рассказал, как это случилось.

Он стоял у борта. Когда поднялся шум и гам и все любовались фейерверком, кто-то, стоящий рядом, шепнул ему: «Посмотрите на море. Там какое-то чудище».

– Я повернулся... И тут кто-то подхватил меня сзади под коленки и перевалил за борт.

– Доигрались! – кипятился капитан. – Дурацкая неосторожность! Шуточки!

– Это не шуточки, это совсем другое, – сказал папа ровным голосом, – это покушение на убийство.

Капитан плюхнулся в кресло так, будто его самого ударили под коленки.

– Пригласите его спасителя, – сказал папа капитану.

Пришел веселый матрос. После коньяка он стал еще веселее. Но когда папа начал его расспрашивать, он сразу стал серьезным.

– Где вы находились, когда Рыбкин упал за борт?

– Недалеко от него.

– А как вы заметили его падение? Он ведь даже вскрикнуть не успел.

– Не знаю. Я смотрел салют. Краем глаза, наверное. Мне показалось: что-то мелькнуло над бортом.

– Это были, вероятно, мои ноги, – сказал Рыбкин. – Вы теперь мой друг навеки.

– Тогда я в первую очередь научу вас плавать, – усмехнулся веселый матрос.

– Вы не обратили внимания, – спросил папа, – кто еще находился рядом с Рыбкиным?

– Да там разве разберешь? Все переодетые, мокрые, перемазанные как черти.

И тут все посмотрели на Алешку. Хвоста у него уже не было, а мордашка даже после купания осталась черной.

– Это я подшутил, – признался веселый матрос. – Вместо гуаши более стойкой краской его разрисовал. Дня на три еще хватит.

– Можно лосьоном попробовать, – посоветовал Рыбкин.

– Еще чего! – возмутился Алешка. – Я лучше так похожу.

Капитан вздохнул.

– Завтра мы подойдем к атоллу Беринга. Все сойдут на берег, а тебя я не пущу. Ты там всех аборигенов перепугаешь.

– Ну да! – возразил Алешка. – Они там сами все черные.

– Черные, – кивнул капитан, – но не такие, как ты. Ты в пятнах.

Вроде бы я их слушал, а сам думал: почему веселый матрос нисколько не удивляется, что эти вопросы ему задает пассажир, да еще при своих детях? Я бы задумался. А его это совсем не смущает.

Папа повернулся к Рыбкину:

– А голос, который вам шепнул, что же, совсем не знаком?

– Совсем не знаком, – вздохнул Рыбкин. – Но немного на ваш похож.

– Спасибо, – серьезно сказал папа.

А я еще заметил, как у Алешки сверкнули глазки на черном фоне.

– Все свободны, – сказал папа. И продолжил сурово специально для нас: – А вы марш в каюту.

Мне показалось, что Алешке только этого и надо было. Он ворвался в нашу каюту, выдвинул ящики письменного стола и где-то под валенками нашел папин диктофон.

– Ты чего? – спросил я.

– Следственный эксперимент. Будешь мне ассистировать. – И в двух словах объяснил суть эксперимента.

– А дальше что? – спросил я.

– А дальше дадим Рыбкину прослушать все записи. Он узнает тот голос, и папа наденет на него наручники.

– На голос? – тупо уточнил я. – Или на Рыбкина?

Несмотря на такое тревожное происшествие, которое, к счастью, завершилось благополучно, в кают-компании состоялся праздничный ужин.

Собрались почти все, кроме, конечно, вахтенной смены. Теснота за столом была страшная. Но всем было весело, и первый тост капитан предложил за здоровье веселого матроса. Ну а дальше – за попутный ветер и прочее.

Потом начальник экспедиции играл на пианино, затем радист включил музыку, а после капитан таинственно сказал, что всех нас ждет еще один сюрприз.

– Опять кто-нибудь за борт вывалится? – спросил веселый матрос.

А наш Алешка не веселился вместе со всеми, он работал.

Он шлялся по кают-компании с диктофоном и каждому говорил одну и ту же фразу:

– Я хочу сохранить на память весь наш дружный экипаж. Скажите, пожалуйста, несколько теплых слов. – И совал под нос диктофон.

И чаще всего слышал в ответ:

– А чего сказать-то?

– Ну, например: «Посмотрите на море! Там какое-то чудище!» Лучше шепотом, чтобы никого не напугать.

Так он обошел всех, кто находился в кают-компании, а потом пошел обходить вахтенных и мотористов. А я при этом как его ассистент должен был кое-что записывать в блокнот и наблюдать за выражением каждого лица: вдруг кто-то себя выдаст от неожиданности.

Когда вся эта процедура закончилась, мы вернулись в свою каюту.

– Ты всех записал? – спросил Алешка. – Главное – чтобы по порядку. Тащи сюда Рыбкина.

Рыбкин пришел без возражений – идея ему понравилась, уж очень ему хотелось разыскать своего жестокого врага. И спросить у него: «Зачем ты это сделал? Чем тебе помешал скромный ихтиолог? Или ты позавидовал, что он поймал такую рыбу, а ты – нет?»

Мы усадили Рыбкина на диван, положили перед ним диктофон, я раскрыл блокнот.

– Начали! – скомандовал Алешка. И включил диктофон.

Рыбкин слушал и все время отрицательно мотал головой. Или бормотал: «Нет. Нет. Не похоже. Не он».

Диктофон щелкнул – запись кончилась. Рыбкин вздрогнул.

– Постойте! – неуверенно сказал он. – Последнюю запись повторите, пожалуйста.

Мы повторили. Рыбкин подпрыгнул и злорадно заорал:

– Он! Этот голос! Кто у вас там по списку последний?

– Я, – сказал я.

Рыбкин машинально отодвинулся от меня. Алешка расхохотался. И «объяснил»:

– Димка таким способом хотел научить вас плавать.

– Дурацкая затея, – сказал я. – И по-дурацки сделана.

– Почему? – обиделся Алешка за свою затею.

– Потому! Не нужно было тебе подсказывать эти слова про море и чудище. Тот, кто это сделал, сразу догадался, что нам нужно. И произнес другим голосом. Понял?

Алешка поморгал, вздохнул:

– Ладно, что-нибудь еще придумаю.

И тут по динамикам разнеслось:

– Всем-всем-всем! Немедленно собратся в кают-компанию!

Сюрприз будет, вспомнили мы и выскочили из каюты.

Сюрприз был классный. Радисты по приказу капитана организовали радиосвязь с близкими и родными. Все нетерпеливо сидели в кают-компании и по очереди входили в радиорубку.

Нас связали с нашей родной и близкой мамой.

– Ленечка! – кричала она через весь океан. – Как ты там? Не мерзнешь? Не голодаешь? Как ты себя чувствуешь? Этот океан, он очень тихий? Там большие или маленькие волны? А северный ветер бывает?

Лешка только слушал, он не мог вставить ни слова между торопливыми мамиными вопросами. Потом отбарабанил:

– Океан не мерзнет. Волны не голодают. Северный ветер чувствует себя нормально. Письма плывут в бутылках.

– Да, Ленечка, – вспомнила мама, – тебе привет от Леночки Стрельцовой. Ты еще не забыл ее? Она просила напомнить, что ты обещал ей привезти в подарок красивую океанскую ракушку...

Тут связь закончилась.

А Леночка Стрельцова – это первая Алешкина любовь. Или четвертая, точно не помню. Но Алешке теперь явно не до красивых ракушек. У него задачи посложнее.

Тем не менее он тут же настроил маме:

«...Наш Рыпкин во время Ниптуна свалился в океан. Но мы его выловили и всех записали на диктафон. Но он никак, кроме Димки, не узнал.

А Димка на Ниптуне хотел быть дурачком, но стал лошадыю. А я на Ниптуне был чертом в разных пятнах и с веревкой, и меня тоже бросили в воду...»

Бедная мама!

«Афалина» шла курсом на атолл Беринга. Атолл – такой такой кольцевой коралловый остров. Вокруг него рифы и океан, а внутри – спокойная лагуна, где можно ловить рыбу, купаться и не бояться акул.

На этих атоллах живут местные жители – всякие полинезийцы. Они золотисто-смуглые, черноволосые и очень веселые и доброжелательные. И по всякому поводу устраивают пиры, танцы и песни. Говорят, это очень красиво и весело.

Раньше они жили в травяных хижинах, крытых пальмовыми листьями, а сейчас даже разъезжают по своему атоллу на машинах и мотоциклах. Правда, особо там не разбежишься – там всего одна дорога, длиной около километра. Вот они и ездят по ней туда-сюда-обратно.

И вскоре показался этот атолл. Вернее, еще не сам, а его пальмы. Казалось, будто они растут прямо из океана. Водяные пальмы, как сказал Алешка. А потом появился белоснежный песок побережья под зелеными листьями этих водяных кокосовых пальм. Стали видны небольшие домики, а затем и люди, которые высыпали на берег и махали нам руками и шляпами.

«Афалина» сбавила ход и осторожно, обходя рифы, подошла к берегу. Бросила якорь. А мы все бросились в шлюпки и вскоре почувствовали под ногами твердую землю в виде мельчайшего песка.

Нас тут же окружили, сияя белозубыми улыбками, местные жители. Они совсем не походили на диких островитян. Они не носили юбочек из пальмовых листьев, ожерелий из акульих зубов и ракушек в ушах.

Они были одеты в шорты и рубашки, а у женщин в ушах были маленькие беленькие жемчужины.

Вскоре они все расступились и пропустили к капитану местного чиновника – главу этого поселения.

Капитан объяснился с ним на английском языке, представил свое судно и экипаж и сказал, что нам нужно запастись пресной водой.

Все будет сделано, заверил чиновник, а пока корабль заправляется, он познакомит нас с достопримечательностями острова.

Главной достопримечательностью был местный музей. Жутко интересный. В нем были даже старинные лодки – каноэ, катамараны, всякие изделия и очень много представителей животного мира, в основном морского. Даже чучело акулы было – длиной пять метров и с полной пастью острейших зазубренных зубов. Алешка даже попытался их пересчитать и запустил руку в ее пасть.

Но что нас всех поразило больше всего – это три громадные, необыкновенной красоты раковины у входа в музей.

Алешка свободно поместился в одной из них, чтобы сфотографироваться, и было похоже, будто в громадной конуре сидит крохотная собачка. С черной пятнистой мордочкой.

– Тридакны, – с восторгом сказал Штокман.

– Три чего? – спросил Алешка, неохотно выбираясь из раковины.

– Раковины тридакны. Гигантского моллюска.

– Я так и знал, – глазом не моргнул Алешка.

Потом все отправились дальше, а он ненадолго задержался в музее, о чем-то почирикал с его заведующим (на каком языке?) и скоро догнал нас с озабоченной физиономией.

В общем, мы здорово провели время: нам даже концерт показали – старинные танцы в юбочках из пальмовых листьев и с ожерельями из акулиных зубов.

Затем мы еще походили по острову и позаглядывали в лавчонки, где продавались всякие местные изделия.

Рыбкин купил странную деревянную вилку и был дико счастлив. И никто не понимал – почему, пока он не объяснил.

– В далекие времена, – сказал он, – предки нынешних островитян были людоедами. Это специальная вилка для таких обедов.

Лешка хихикнул и шепнул мне:

– Такие деревянные вилки на Арбате иностранцам продают, вместе с матрешками.

Папа это услышал и зачем-то вернулся в ту лавочку, где Рыбкин купил вилку. И о чем-то расспросил торговца.

Непонятки какие-то!

Но самые непонятки были еще впереди. Вечером, когда «Афалина» была уже готова к отплытию, от берега вдруг направилось к нам странное судно. Из двух спаренных лодок. И между этими лодками на решетчатом помосте стояло что-то большое и тяжелое.

Катамаран причалил к нам. Капитан подошел к борту, выслушал прибывших и схватился за голову. И завопил:

– Сергей Александрович! На помощь!

Прибежал папа. За ним – Алешка. С лодки ему радостно замахали. На решетчатом помосте стояла громадная раковина.

Прояснилось. Наш Алешка ее купил. В подарок Леночке Стрельцовой. Как и обещал.

– Куда я ее дену? – вопил капитан, воздымая руки. – Она ни в один люк не пролезет.

– На палубе разместим, – вздохнул старпом. – Что ж теперь поделаешь?

– Меня интересует другое, – сказал папа Алешке. – Во-первых, откуда у тебя валюта и, во-вторых, как ты объяснялся с торговцем?

Алешка фыркнул – подумаешь, задача.

– Я знаю волшебное английское слово – ченч! Его весь мир знает.

– Так ты что, выменял эту раковину? – ужаснулся капитан. – Надеюсь, не на какое-нибудь имущество «Афалины»?

Алешка даже обиделся.

– Вот еще! Я на личную вещь обменялся. Даже на две. Вот! – Только тут мы заметили, что он держит под мышкой валенки, всунутые один в другой.

– Боже мой! – воскликнул папа.

– А что? – Алешка был безмятежен. – Для нас раковина – редкость. А для них – валенки.

– Вальеньки! Вальеньки! – радостно послышалось с лодки.

Капитан вздохнул и приказал поднять лебедкой эту редкость на палубу. А Лешка сбросил на лодку пару валенок – две, стало быть, редкости. Да, пожалуй, в Тихом океане валенок не найдешь. А у Лешки еще и варежки остались.

Вечер писем. Алешка написал и маме, и Леночке Стрельцовой.

Маме он сообщил, что лазил в пасть акуле, пересчитал там все ее зубы («целая тыща») и один зуб («тыща первый») выдернул маме на память. «Привижу к нему виревочку и ты будишь вешать его на шею, когда пойдешь в гости.

А ихтеандер Рыбкин купил себе вилку, чтобы ням-ням человеков...»

Леночку он тоже обрадовал своим подарком.

«Ты, Ленка, не давала мне списывать, а я тебе за это достал красивую ракушку со дна океана. Она называется «дакна». Я достал три дакны, но две от меня убежали. Меня спускали за ракушками, за этими дакнами, на самое дно океана, на десять километров по тросу толщиной десять метров, чтобы он подо мной не оборвался.

А на этой глубине очень темно и сыро. И там живут всякие существа, вроде двуногих рып. Мы их ловим и совершаем открытия...»

Прочитав это письмо, я немного задумался. А не свредничал ли Алешка? Не отомстил ли он Леночке своим подарком за то, что она не давала ему списывать?..

Глава VI

Пиратская сделка

Океан был спокоен. Он сонно дышал длинными плавными волнами и, казалось, хотел доставить нам небольшое удовольствие мерной убаюкивающей качкой. Не зря мы Нептуна одарили бутылкой шампанского и пачкой сигарет.

Океан был спокоен. И безбрежен. Куда ни посмотришь – все одно и то же: синяя вода, синее небо и горячее солнце. Около тридцати градусов зимы. Тропической.

И была тишина. Почти беззвучно работали двигатели «Афалины», вполголоса переговаривались на палубе матросы и профессора с академиками, чуть слышно журчала голубая океанская вода за кормой...

Сплошная «глазурь». Тишь да гладь. Как вечером на даче. Когда солнце уже спряталось за лесом, а майские жуки еще летают. И натываются на стволы берез и кусты сирени.

Вот и у нас на горизонте появился майский жук. В виде стремительного длинноносого катера. Этот катер не жужжал, как майский жук, и не натывался на кусты сирени – он летел как пуля и ревел своей сиреной. И подавал нам какие-то сигналы.

– Наверное, якорь утопили, – сказал веселый матрос, – затормозить нечем.

– Тут якорь не поможет, – возразил Рыбкин. – Глубина – восемь тысяч.

– Километров? – ахнул Алешка. – Как отсюда до Москвы?

– Миллиметров, – усмехнулся веселый матрос.

Алешка шутку не принял. Он вообще после праздника Нептуна стал относиться с подозрением к веселому матросу. И уверял меня, что именно он столкнул в океан Рыбкина. Но, по моему, Алешка не простил ему коварства: краска на его мордашке все еще не исчезла. Вернее, исчезла частично. И Алешку многие на корабле называли пятнистым оленем. Почему оленем, не знаю. А почему пятнистым, это ясно.

Капитан внимательно наблюдал за приближающимся катером и отдал приказ:

– Лечь в дрейф! Всю команду на палубу! – и добавил сквозь зубы: – У них на носу пулемет.

Вот это да!

– Пираты? – взвизгнул от счастья Алешка. Не думая об опасности, он был счастлив уже не на страницах книг, а воочию повидать живых пиратов. Подозреваю, что после замечания капитана о том, что «Афалина» находится сейчас в самом пиратском районе Тихого океана, Алешка с нетерпением ждал встречи с ними.

А я такой встречи не ждал, я не люблю всяких бандитов, жуликов и пиратов.

Между тем вопящий сиреной катер подошел к нам вплотную. Сирена заткнулась.

Из рулевой рубки вышел человек в камуфляже с черной повязкой на глазу. Явный пират.

Он приветственно помахал нам шляпой и прокричал:

– Я представитель фирмы «Оазис». Я уполномочен переговорить с капитаном вашего судна и начальником экспедиции. У руководства фирмы есть интересные предложения к вам.

– Прошу на мой борт, – ответил наш капитан.

Папа стоял с ним рядом и сильно хмурился. А лицо у него было такое, словно он предвидел этот визит и знал, чем он закончится. Не очень хорошим, конечно.

Одноглазый пират ступил на нашу палубу, пожал капитану руку и назвался:

– Референт главы фирмы Одинокос Сан Саныч. А вы капитан Флинт? – Это он спросил с легкой улыбкой.

Капитан кивнул:

– Прошу в мою каюту.

Мы с Алешкой поняли друг друга без слов – упустить такой случай мы не могли. И тут же самым коротким путем, обогнав референта и капитана, шмыгнули в его каюту и затаились там.

Каюта капитана состояла из двух комнат, разделенных раздвижными дверями из красивых матовых стекол. И вот за этими дверями мы с Алешкой частенько проводили время. С большим интересом и пользой.

На одной из переборок там висела карта Мирового океана, и капитан красными кнопками отмечал на ней курс, которым шла прекрасная «Афалина». Мы с удовольствием рассматривали этот замысловатый узор, эти тысячи миль морского пути. Будто мы сами вели по нему «Афалину».

Впрочем, однажды и нам это удалось. Алешка из озорства как-то переставил красные кнопки. И наша «Афалина» проделала на этот раз небывалый путь: по России, по Африке и по обоим Америкам. Даже на Северном полюсе побывала.

Капитан Флинт, когда это увидел, сначала обалдел, а потом отвесил Алешке подзатыльник и велел привести карту в порядок.

И вот сейчас мы замерли за матовыми дверями и надеялись подслушать переговоры пирата и нашего капитана.

Они пришли почти сразу после нас. К ним присоединился и начальник экспедиции Штокман.

Капитан поставил на столик коньяк и скромное угощение.

– Наша фирма, – начал одноглазый Сан Саныч, – занимается очень важным бизнесом. Мы изыскиваем возможности безопасного захоронения ядерных отходов. По мере развития атомной энергетики эта проблема становится все более острой и злободневной. Атомные реакторы, электростанции, подводные лодки, крейсеры и так далее выдают в год сотни тысяч тонн чрезвычайно вредных и опасных отходов...

– Эта проблема нам известна, – перебил его Штокман. – Что вам нужно конкретно от нас? Какая помощь?

– Очень простая. У нас возникла гениальная идея опускать ядерные отходы в специальных контейнерах на дно глубоководных впадин океана. Там они будут надежно изолированы от природы нашей голубой планеты...

– Вы в этом уверены? – опять перебил его Штокман.

– Безусловно. Надежные контейнеры, огромная глубина, отсутствие на этой глубине живых организмов, морских течений...

– Это еще не факт. – По голосу Штокмана мы поняли, что он стал здорово заводится. – Огромная глубина – это еще и огромное давление на этой глубине. Кроме того, налицо агрессивное воздействие соленой морской воды. Не исключено, что через некоторое время под воздействием этих двух факторов ваши контейнеры превратятся в подобие ржавых консервных банок. Начнется утечка ядовитых веществ...

На этот раз пират Сан Саныч перебил Штокмана.

– Ну и что? В чем вы видите опасность? Вся эта гадость останется на том же месте. И через тысячу лет бесследно разложится на безопасные элементы.

– Мне трудно с вами спорить, – сказал Штокман.

– Еще бы! – самодовольно хмыкнул пират. – У нас все продумано.

– Вовсе не поэтому. А потому, что вы темный, безграмотный и безнравственный человек. И безответственный к тому же. Вы своим скудным и алчным умом даже представить себе не можете тех катастрофических последствий, к которым приведет авантюризм вашей фирмы.

– А нельзя ли без оскорблений? – возвысил голос пират. – Я уполномочен солидными людьми.

– Хорошо, – вздохнул Штокман, – я попробую обойтись без оскорблений. Хотя, имея в виду вашу фирму и вашу личность, это довольно трудно.

– А вы постарайтесь, – с усмешкой сказал пират. – Вы аргументируйте.

– Так вот. Нашими исследованиями неопровержимо установлено, что глубоководные впадины являются уникальными по своему значению явлениями природы. Во-первых, там есть течения – и горизонтальные, и вертикальные, а это значит, что ядовитые отходы будут разноситься по водной среде всего Мирового океана. Далее, нами установлено, что в этих впадинах имеется биологическая жизнь. Начиная от микроорганизмов и кончая еще неизвестными науке глубоководными существами. Все это погибнет навсегда.

– Ерунда! Это все ваши предположения.

– Это все изложено в нашем отчете, который составили и подписали наши ученые...

Ученые с мировыми именами.

Тут на некоторое время почему-то воцарилась тревожная тишина. Только было слышно, как щелкнула зажигалка пирата.

А потом он вкрадчиво сказал:

– Вот об этом отчете и идет речь...

– Кстати, откуда вам о нем известно? – встревожился Штокман.

Пират расхохотался:

– Всюду наши люди, коллега! – То ли он проговорился, то ли так замаскированно угрожал. – Словом, у нас есть предложение. Очень простое и взаимовыгодное. Было бы желательно, чтобы ваши мировые ученые внесли в отчет некоторые изменения: во впадинах жизни нет, течений нет, никакой опасности...

– Вы соображаете, что вы нам предлагаете? – шипящим шепотом проговорил Штокман.

– Соображаю. Да еще как. Я же сказал, что наше предложение взаимовыгодно. Каждый из вас получит такие суммы в валюте, что может сойти с ума от радости.

Вот тут уж наступила такая тишина, что, казалось, в следующую секунду раздастся страшный взрыв, который уничтожит всю планету. Вместе со всеми учеными и пиратами. Даже Алешка побледнел.

Но взрыва не произошло.

Все время молчавший капитан просто и доходчиво ровным голосом сказал:

– Я не ученый. Не академик. Я простой моряк. И если ты, сволочь, не хочешь, чтобы я выбросил тебя за борт, то убирайся вон самостоятельно.

На том переговоры и закончились.

Мы с Алешкой выскочили на палубу. Катер с одноглазым пиратом уже отошел от «Афа-лины» и держал курс куда-то за горизонт. Все молча смотрели ему вслед. Даже веселый матрос помалкивал.

– У них там, наверное, базовое судно, – сказал капитан папе. – Какие ваши соображения, Сергей Александрович?

– Я уверен, этим дело не кончится. Слишком большие деньги. Готовьтесь к бою, капитан.

– А я всегда готов, – просто ответил капитан. – У меня и фамилия подходящая. Флинт по-английски означает «курок».

Начальник экспедиции собрал всех в кают-компанию. Нужно было принимать решение. Он коротко рассказал о гнусном предложении фирмы «Оазис».

– Положение очень серьезное, – сказал папа. – Я как деловой человек хорошо знаю, что большие деньги – это большая война. И жестокая. По моим сведениям, фирма «Оазис» уже заказала и оплатила изготовление контейнеров для ядерных отходов. Фирма к тому же приобрела несколько сухогрузов и на свои средства переоборудовала их, оснастила специальными устройствами.

– То есть вы хотите сказать, – вмешался Штокман, – что, затратив на все это значительные суммы...

– Около десяти миллиардов долларов, – уточнил папа.

– Кошмар! И куда только деньги тратят! – Штокман, наверное, считал, что такие деньги нужно тратить на развитие океанологии. Но пираты-бизнесмены считали по-другому. – То есть вы хотите сказать, что фирма любыми средствами попытается изменить результаты наших исследований?

– Уничтожить результаты! – жестко сказал папа. – Я уже высказывал эту мысль.

– Но ведь это подло! – вскочил Рыбкин. – Одно дело – выбросить за борт одного неплавающего человека, и совсем другое – уничтожить результаты труда многих людей.

– Узкое мнение, – осадил его Штокман. – Как у плоской камбалы. Все гораздо страшнее по своим последствиям. Фирма начнет свою деятельность и погубит не только Мировой океан, но и всю планету.

– А самих себя им не жалко? – спросил веселый матрос.

Штокман криво усмехнулся.

– Они уверены, что эта катастрофа произойдет тогда, когда их уже не будет. Да и ее результаты не сразу скажутся в Европе.

– Вот негодяи! Их надо утопить – и все. Пока не поздно.

– Найдутся другие. Нужно как можно скорее результаты наших исследований сделать достоянием всего ученого мира. И проинформировать правительства всех стран.

– Я могу пустить в эфир радио: «Всем, всем, всем!» – предложил капитан.

– Это несерьезно, – возразил Штокман. – Надо побыстрее завершить исследования и представить наши материалы соответствующим организациям. И опубликовать их в печати. Сообщить в ЮНЕСКО.

– А сейчас-то что делать? – спросил Рыбкин с отчаянием. – Если я не сохраню свою рыбу, я сам брошусь за борт.

– А сейчас, – сказал капитан, – удвоить бдительность, утроить осторожность и быть готовыми отразить возможное нападение.

– Чем отражать будем? – спросил неугомонный Рыбкин. – Микроскопами? Я свой не дам.

– Найдется чем, – сказал капитан.

Я бы не сказал, что на «Афалине» под влиянием реальной опасности воцарилось уныние. Наоборот. Все стали работать еще собраннее и деловитей. Правда, каждый из нас все время поглядывал на океан. С опаской. Хотя необходимости в этом не было. Капитан организовал специальную вахту наблюдателей, да и прибор для обнаружения какого-либо судна был включен на постоянную работу, и возле него неотступно находился один из членов экипажа.

А папа ломал голову над задачей: кто же в нашем славном коллективе тайный и коварный враг? Кто держит постоянную связь с кораблем «Оазиса»? Кто сообщил им о результатах исследований? Кто попытался утопить Рыбкина? И за что? Вернее – зачем?

Но тут прибавился и еще один вопрос, не менее серьезный и загадочный.

Мы стояли на мостике и любовались нашим красавцем – Тихим океаном. Волны которого кто только не бороздил за тысячи лет. И открыватели новых земель, и завоеватели, и исследователи, и пираты, и работоторговцы, и просто торговцы, и всякие интуристы. И мы часто думали, а сколько кораблей за эти тысячелетия не достигли своей цели? Сколько из них улеглось на его дно? Сколько моряков не вернулось из плавания? И невольно напрашивалась не очень приятная мысль – не ждет ли такая же печальная участь и нашу прекрасную «Афалину»?

Но страшно нам почему-то не было. Наверное, потому что рядом с нами находился наш папа; командовал кораблем отважный и опытный капитан с пиратской фамилией; запросто

мог рискнуть своей жизнью веселый матрос ради спасения любого из нас. Да и каждый член экипажа был смелым и надежным человеком. Каждый... Кроме одного. Затаившегося врага.

Вот тут-то и ворвался на мостик взбешенный Штокман и ткнул своим длинным пальцем в капитанский живот:

– Что творится на вашем судне?

– А что на нем творится такое уж особенное? – капитан вытаращил свои круглые омары глаза. – Опять кого-то за борт сбросили?

– Хуже! Кто-то взломал дверь моей каюты!

Капитан побелел, потом сразу покраснел, а затем твердо пообещал:

– Узнаю – кто, повешу на рее!

– Сначала узнайте! А потом я его сам повешу!

– Вот что, – сказал папа капитану, – поставьте людей по обе стороны прохода и никого к каюте Штокмана не подпускать. Я сам осмотрю ее.

Но ничего особенного папа не обнаружил. Дверь была взломана грубо и примитивно. Топориком с пожарного стенда. В каюте был порядок – непохоже, что кто-то здесь что-то искал. Только на ключевине сейфа папа обнаружил свежие царапины. Явно кто-то пытался его вскрыть.

– Что у вас там хранится? – спросил папа Штокмана.

– Материалы экспедиции, в том числе и черновики отчета. Деньги экспедиции. Личные документы.

– А где вы держите ключи от сейфа?

– Я каждый раз сдаю их капитану.

Единственное, что удалось папе установить – взлом каюты произошел в то самое время, когда весь экипаж находился на совещании в кают-компании.

Значит, это сделал тот, кто в кают-компании в это время не был. Человек десять примерно: они несли вахту. Кто-то из них! Но кто?

Глава VII

«А я знаю – кто!»

Капитан и полковник заперлись на ключ и принялись обсуждать список подозреваемых. Нас, конечно, выставили за дверь. Ну а потом папа, естественно, кое-что нам рассказал. Но это нам уже не было нужно. Мы сами (пораньше папы) вычислили коварного преступника.

В списке было десять человек. И все разные: и ученые, и мотористы, и боцман. Несколько человек капитан вычеркнул из «черного списка» сразу – это были безупречные люди, он знал их давно и много с ними плавал. И не раз они доказывали в опасные и трудные минуты свое мужество и свою честность.

Папа сказал:

– Несомненно, что все эти пакости совершил один и тот же человек.

– Да они все разные, эти пакости, – возразил капитан.

– Немножко отличаются, – усмехнулся папа, – но цель-то у них одна.

– Это как же? Сообщить о результатах обследования впадины и столкнуть Рыбкина с корабля – какая же тут общая цель?

– Все это связано с грязными делишками фирмы «Оазис». Ведь именно Рыбкин подтвердил наличие рыб на глубине восьми тысяч метров. Рыбкин в их глазах, так сказать, нежелательный свидетель. Я не сомневаюсь, что будет попытка уничтожить и рабочие дневники Рыбкина, и саму эту злосчастную рыбину.

Капитан даже подскочил.

– Не беспокойтесь, Иван Федорович, я принял меры безопасности.

– Какие именно?

– Мне бы не хотелось об этом говорить...

– Я буду нем, как рыба имени Рыбкина, – торжественно пообещал капитан.

– Я подселил в каюту Рыбкина его спасителя.

– Ах, вот как! – догадался капитан. – Это ваш человек?

Папа не ответил, а только пожал плечами.

В общем и целом они просидели над списком до самого ужина. И выделили трех человек, за которыми необходимо установить наблюдение.

Капитан старательно набил свою бездонную трубку, раскурил, выпустил ароматное облако дыма и спросил:

– И как вы себе это представляете? Кому вы это поручите?

– У меня есть для этого люди, – спокойно сказал папа.

– Да вы что, целое отделение милиции с собой взяли? – засмеялся капитан. – И что за агентура, если не секрет?

– Глазастая, ушастая, любопытная. Не удивлюсь, если эта агентура сейчас подслушивает нас за дверью.

Но мы не подслушивали за дверью. Мы вычислили подлого врага.

– Давай, Дим, – сразу же предложил Алешка, – тоже столкнем его за борт. Может, его акула покусает.

– А если он ее покусает? – предположил я, не очень, конечно, серьезно.

Алешка рассмеялся. И тут же попытался выдать еще одно наказание для гада:

– А тогда давай, Дим...

Но я его строго прервал:

– Никаких «давай». Скажем папе – и все.

Алешка покорно согласился, потому что честь разоблачения преступника целиком принадлежала мне. Правда, натолкнул меня на эту мысль Алешка. Он сказал:

– Дим, если этот гад сообщает этой заразе о наших делах, значит, у него есть рация. И они ему тоже дают всякие советы и указания. «Узнай там то-то и то-то. Утопи на всякий случай Рыбкина. Или выпей за его здоровье».

Так, так... Пойдите! И я вдруг почувствовал, будто из темного чулана вышел на освещенный солнцем балкон. Откуда все видно.

Я вспомнил про слуховой аппарат боцмана Шмаги и его реакцию на мою просьбу. Я вспомнил, что, когда случайно включил его, в нем появились шумы, потрескивания, морзянка. А потом и чей-то грубый голос, обращенный к какому-то Алику. Да еще со строгим приказом не употреблять спиртные напитки. А ведь капитан частенько отчитывал боцмана за эту «слабость». Вот и стало все на свои места. Никакой это не слуховой аппарат, а самая обыкновенная карманная рация. (Тогда мы еще не знали, что эта рация самая необыкновенная. С ее помощью глухой боцман прослушивал все разговоры в любой каюте, даже в капитанской. Причем не выходя из каюты собственной.)

– Я так и знал, – сказал Алешка с гордостью. – Он мне всегда не нравился. Да еще все время носом шмыгает.

Я не стал напоминать Алешке, что он подозревал вовсе не боцмана, а веселого матроса.

– Дим! А значит, он вовсе не глухой! Только притворяется таким. Чтобы спокойно своей рацией пользоваться. Пошли к папе, пусть наручники готовит.

– Подожди, – рассудил я, – сначала нужно кое-что проверить. А то обвиним невинного человека. Да еще страдающего насморком.

– А что проверять-то? – изумился Алешка. – Все и так ясно.

– Во-первых, нужно узнать его имя. Может, он вовсе и не Алик. А во-вторых, нужно убедиться, что он не глухой.

– Это запросто! – сказал Алешка. – Подкрадусь к нему сзади да как гаркну! Если он подскочит, все ясно – у него прекрасный слух. А ты узнай у кого-нибудь, как его зовут, ладно?

В общем, первым делом – самолеты, а наручники – потом.

Алешкина проверка удалась. Даже слишком. Боцман сидел возле рулевой рубки, под судовым колоколом, и плел какую-то снасть.

Алешка подкрался сзади и гаркнул. Боцман подскочил так, что достал головой колокол.

– Ты что, сдурел? – заорал он на Алешку, почесывая макушку.

– Я случайно, – извинился Алешка. – Вырвалось. Уж очень красивую веревочку вы плетете.

А с мостика послышался недовольный голос капитана:

– Эй! Кто там орет и рындой балует?

– Это я! – крикнул Алешка. – Случайно башкой достал.

Рында по-морскому и есть колокол.

– Еще раз достанешь, – пообещал капитан, – останешься без обеда.

В общем, эксперимент удался. Хотя, если задуматься, Алешка гаркнул так, что даже глухой испугался бы.

А мой эксперимент провалился.

Я спустился в машинное отделение, поболтал для отвода глаз с мотористом Женей, который занимал каюту рядом с боцманской, и небрежно спросил:

– Да, а кстати, как его зовут? А то все – Шмага да Шмыга, неудобно как-то.

– Санькой его зовут, – ответил моторист Женя. – Можешь Шуркой звать. Годится?

Никуда не годится! Санька и Шурка – это не Алик.

Я доложил об этом Алешке. Он посмотрел на меня, как кошка на глупого воробья.

– А ты чудак, Дим, – сказал он. – В нашем классе тоже два Алика есть. Сергеев и Матвеев.

– Ну и что? Их будем подозревать? Они тоже глухие? И с насморком?

Алешка хихикнул:

– Дим, в классном журнале записано: «Матвеев Александр», «Сергеев Александр». Сашка, Шурка, Санька – это то же самое, что Алик. Ты разве слышал, чтобы кого-нибудь звали Алик Иванович?

А я, честно говоря, никогда не задумывался и не догадывался, что Алик это сокращенное от Александра.

– Пошли к папе, – сказал Алешка.

Папа выслушал нас очень серьезно и внимательно.

– Это точно? – спросил он. – Ошибки не может быть?

– Да ты только на его сопли посмотри! – возмутился его сомнениям Алешка.

– Это не довод, – улыбнулся папа. – А тем более – не улика и не доказательство вины. Вот что, вы пока посидите, молча и без фокусов, а я кое-что уточню.

И он пошел в каюту капитана, где была прямая радиосвязь с Москвой.

Вернулся он не скоро, а когда вошел, мы по его лицу поняли, что наши подозрения в отношении боцмана оправдались.

– Да, – сказал папа, – есть такая темная личность, хорошо известная в преступных кругах. Я получил исчерпывающие сведения о нем. Александр Шмага действительно хороший моряк, но оказался замешанным в контрабанде, и его списали на берег. Узнав о фирме «Оазис», попросился на один из ее кораблей. Видимо, ему не отказали, но поручили вести разведку на «Афалине». Что он и делал.

– Ну вот, – сказал Алешка, – где у тебя наручники? Пойдем его арестовывать.

Папа покачал головой:

– Ни в коем случае. Кстати, вы ни с кем не делились своими подозрениями? Очень хорошо.

Просто прекрасно! На судне находится преступник, работает на наших врагов, а нашему полковнику это прекрасно!

– Что надулись? – усмехнулся папа. – Никаких наручников. Более того, с этой минуты вы должны забыть истинное лицо боцмана. И еще более того – будете с ним поддерживать дружеские отношения.

– Я буду ему ботинки чистить, – буркнул Алешка.

– А я – зубы, – буркнул я. – Кулаком.

– Я думал, вы умные, – буркнул папа. – Как я в вас ошибался!

Вот тут-то мы и задумались. Правда, ненадолго. Алешкино лицо посветлело, а я улыбнулся. Здорово папа придумал! Вот что значит – настоящий полковник милиции.

– Вот именно, – улыбнулся и папа. – Я предупрежу капитана и Штокмана. Ну и еще кое-кого. И подскажу им, какие они должны вести между собой разговоры.

– Которые будет подслушивать Шмага! – восхитился Лешка. – И это вранье он будет передавать своим хозяевам.

– Вот именно, – повторил папа. – А в нужный момент мы подкинем ему такую информацию, что весь этот «Оазис» сядет в грязную лужу. Но помните, ребята, вести себя надо очень естественно. Не уделяйте ему особого внимания. Отношения налаживайте постепенно.

– Я даже перед ним извинюсь за то, что он башкой в колокол брякнулся, – пообещал Алешка.

Такое обещание очень дорого стоит. Заставить Алешку извиниться – все равно что Рыбкина плавать научить. Алешка никогда себя виноватым не признает.

Папа это решение одобрил, но подсказал:

– Ты только при этом из себя пай-мальчика не строй. Сделай вид, что тебя капитан извиниться заставил.

– А то я сам бы не догадался, – обиделся Алешка. И хитренько добавил: – У меня ведь отец – богатый миллионер.

Алешка сделал, что обещал. И сделал, как надо. В удобный момент он, насупясь, подошел к боцману (тот был в это время без своего «слухового аппарата») и громко сказал «хмурым» голосом:

– Дядь Саш, я... это... в общем... капитан меня отругал... он... это... в общем... прошу прощения, что напугал вас как дурак. – Тяжко вздохнул и с трудом пообещал: – Я больше не буду.

Боцман слушал его, оттопырив ладонью ухо и хлюпая носом.

– Ладно, – сказал он, – проехали. Ты, видать, пацан балованный. С простыми людьми обращаться не умеешь. Однако жизнь научит.

И он долго выговаривал Алешке, будто тот не в ухо гаркнул ему, а по крайней мере из пушки в него бухнул.

– Все, что ль? – не выдержал Алешка. – Разрешите идти? – И он поскакал к тралу, который как раз вытянула траловая команда из океана и подняла над палубой.

Я тоже дунул туда. Это всегда так интересно! Когда траловый мешок распахивается над специальным контейнером, в него обрушивается сверкающий рыбный водопад. И все толпятся вокруг, с нетерпением разглядывают добычу и радуются, как дети.

И в самом деле – чего там только нет: всякая рыба, всякие крабы и необыкновенные медузы, которые тут же становятся похожими на обыкновенные тряпки, морские змеи – ядовитые и не очень; однажды попалась морская черепаха побольше ростом, чем Алешкина раковина. Но ее отпустили обратно в море – это был редкий, исчезающий вид, и таких черепах надо беречь, пока они совсем не исчезли.

Только кок Сковорода проводил ее тоскующим взглядом и сказал загадочно:

– Тыща ушла!

– Какая тыща? – удивился Алешка. – Тыща килограммов, что ли?

– Тыща порций превосходных супов. А может, и две.

– Пусть лучше в море плавает, – сказал коку подошедший Рыбкин, – чем в твоём ненасытном брюхе.

– Ты больно насытный. Лучше сам плавать научись.

Но Рыбкин ему не ответил: он уже углядел в садке молодую меч-рыбу и пытался ухватить ее так, чтобы не пораниться.

В общем, все были заняты своим делом. А боцман всем, кому требовалось, помогал. И помогал очень толково – никак не скажешь про него, что он плохой человек. Да, правильно говорили древние философы: ничто так не уродует человеческую натуру, как жажда богатства.

После того как трал был разобран, капитан пригласил к себе начальника экспедиции. Боцман тут же ушел в свою каюту. Подслушивать.

А мы с Алешкой без всяких хитростей, без всяких раций уселись прямо на теплой палубе под открытым иллюминатором капитанской каюты. Подслушивать. Хотя этот разговор уж нас-то никаким образом не касался. Разговор был предназначен для боцмана Шмаги.

– Меня беспокоят некоторые обстоятельства, Иван Федорович, – говорил озабоченным тоном Штокман. – Точнее, не обстоятельства, а обстановка в коллективе.

– А что именно вас беспокоит?

– После посещения нашего судна представителем «Оазиса» в коллективе стали проявляться некоторые разногласия.

– А конкретно?

– Знаете, это все как-то неопределенно высказывается, намеками, иногда в шутливой форме. Но меня это тревожит. За каждой шуткой скрывается доля истины.

– Говорите откровенно, – настоял капитан. – Мне-то вы доверяете?

– Безусловно. Не обижайтесь. Мне просто не хочется без достаточных оснований бросить тень подозрения на заслуженных людей. И в то же время я испытываю смутное беспокойство. Вот, например, биолог Андреев как-то пошутил: «Эх, зря Штокман отказался от денег! Я бы на свою долю такую лабораторию оснастил бы!» И его тут же поддержал, тоже вроде шуточно, метеоролог Зинченко. Этот вообще заявил мечтательно: «А я бы плюнул на всю эту свою шарлатанскую науку, купил бы дом во Флориде и валялся бы целыми днями на берегу с детективами и пивом».

– Так они просто шутят! – успокоил Штокмана капитан.

– Повторяю: в каждой шутке есть только доля шутки. Ваш старпом, кстати, высказался еще определеннее: «Надо, пока не поздно, сматывать удочки. Пока нас на дно не пустили со всеми вашими отчетами и идеями».

– Мой старпом, – обиделся капитан, – настоящий моряк. И он не отступит ни перед штормом, ни перед врагом.

– Тем не менее он сказал это вполне серьезно. Да, признаться, и мне самому наше положение представляется крайне опасным. К тому же, – тут Штокман понизил голос, – на нашем корабле, как вы догадываетесь, находится агент «Оазиса». А это, извините, бомба замедленного действия. Которая может взорваться в любую минуту.

– Вы кого-то подозреваете конкретно? – настойчиво сказал капитан. – Кого именно, назовите!

И Штокман назвал имя веселого матроса.

Капитан долго молчал, видно, раздумывал. А потом удрученно согласился:

– Что ж, это похоже на правду. Он сам столкнул Рыбкина и сам прыгнул за ним. Чтобы зарекомендовать себя, бросить тень на кого-то другого и обезопасить себя от малейших подозрений.

– К сожалению, я придерживаюсь того же мнения, – признался Штокман.

Представляю, как ликовал в это время «неуловимый» боцман Шмага, шмыгая носом.

Вот так и началась игра с противником. А к чему это приведет, никто из посвященных в нее и не догадывался...

Глава VIII

Ловушка для шпиона

Папа, конечно, сделал очень хитрый ход. Он на какое-то время обезопасил «Афалину» от решительного нападения «Оазиса». Когда там узнают, что в среде ученых начались разногласия, что некоторые из них склонны принять предложения фирмы и перейти на ее сторону, они постараются использовать это обстоятельство в свою пользу. И без боя получить то, что им нужно.

Фирма получала надежду, мы – возможность продолжить исследования в океане.

Но самое главное – мы теперь могли управлять «Оазисом» как послушной лошадью. Куда дернем – туда она и повернет.

Снова настало спокойное время. Но это спокойствие было затишьем перед бурей. Рано или поздно затаившиеся противники (с обеих сторон) должны будут перейти к решительным действиям.

– Удрать-то мы всегда сможем, – успокаивал папу капитан. – Наша «Афалина» развивает скорость не меньше, чем настоящий дельфин.

– Но удрать, – возразил папа, – значит сорвать экспедицию. Которая очень долго готовилась и стоит очень больших денег.

– И ваших денег в том числе, – улыбнулся капитан.

– Да, без моего участия, – важно кивнул папа, – экспедиция вряд ли бы состоялась.

– Уважаю богатых людей, – рассмеялся капитан, – когда они к тому же и щедрые.

– И умные, – похвалил себя папа.

Надо сказать, что теперь все разговоры велись под нашим с Алешкой контролем.

Когда папе и капитану нужно было посекретничать, они уходили на носовую палубу – полюбоваться «глазурной» далью океана. А капитан к тому же окутывал их обоих клубами дыма – маскировал.

А мы с Алешкой в это время контролировали действия боцмана. Если он напяливал свой «плеер», то Алешка сразу же давал сигнал: «Вас слушают, будьте осторожны!»

Сигнал был простой – два удара в колокол. Старший помощник сделал было Алешке замечание, на что тот отреагировал нахально и безмятежно:

– Во-первых, без моего папы не состоялась бы ваша экспедиция. А во-вторых, мне разрешил капитан.

– Для меня важнее «во-вторых», – буркнул старпом.

Сложнее было, конечно, наблюдать за боцманом, когда он скрывался в своей каюте. Но Алешка и тут подшустрил. Он втерся в доверие Шмаги на почве интереса к морскому делу. Задавал ему кучу вопросов и учился у него сложному мастерству – вязать морские узлы.

В каюте боцмана висела на переборке чертежная доска, а на ней – образцы всех видов узлов, завязанных из разных веревочек. И каждый узел подписан: «шкотовый», «рыбацкий штык», «шлюпочный» и так далее. И Лешка их изучал. Сидел напротив доски и, пытаясь, старательно вязал эти загадочные узлы. А я в это время слонялся возле иллюминатора и время от времени кричал Алешке:

– Какой узел вяжешь?

Если он отвечал: «Рифовый» – значит, боцман сидит с «плеером», и я предупреждал об этом папу.

В общем, партизанили, как могли.

А капитан и папа готовили новую ловушку. И повели разговор специально для боцмана.

Папа сказал:

– Прежде чем удирать, надо знать, от кого. Может, мы совершенно напрасно волнуемся, переоцениваем противника. Болтается где-то за горизонтом или прячется вон за тем островом какая-нибудь ржавая лоханка, а мы ее боимся.

– Вы, Сергей Александрович, все-таки бизнесмен, а не моряк. Позвольте уж мне судить о морских делах. Если они выслали катер, значит, у них большое судно.

– Я тоже, Иван Федорович, хаживал в море. И кое-что смыслю. Катер этот вполне мореходный. Может, он сам и есть их основная база. Да мы его зимними шапками закидаем.

Какими там шапками? Была на борту одна такая, да и ту Алешка выбросил.

– Нет, – не соглашался капитан, – у них большое судно. И, пожалуй, вооруженное. Как бы нам это проверить?

– Сходим в разведку, – предложил папа. – Вон за те острова. И если там прячется большой корабль, то...

– То я предпочел бы принять их условия, – мрачно прервал его капитан.

– Да вы что!

– А вот то! На мне лежит ответственность за судно и за всех, кто на нем находится. За ваших детей, кстати, тоже.

Почему – кстати? Что мы, какие-нибудь лишние? Да мы и сами за себя так ответим, что мало не покажется.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился папа. – Я тоже не сторонник боя с заведомым поражением. Если нам удастся установить, какое у них судно, и если окажется, что силы не равны, думаю, стоит об этом поговорить со Штокманом. Рисковать своими людьми мы, конечно, не будем.

Вот так они и решили. И это решение незамедлительно ушло в эфир...

На следующее утро раздался крик вахтенного матроса:

– Судно с правого борта!

– Под каким флагом? – спросил капитан.

– Не могу знать! Я таких не видел. Черного цвета. С какими-то закорючками.

– Неужели пираты? – встревожился капитан. – Срочно поднять всю забортную аппаратуру на палубу! Всем свободным от вахты вооружиться! Кто чем сможет...

Шапками, например.

Капитан поднял к глазам бинокль.

– Судно не военное, – сказал он немного погодя. – Сухогруз. Водоизмещение приличное. Идет курсом на нас. – И шепнул папе: – Ну что, выманили зверя из логова?

– Медведя тоже из берлоги выманивают, – ответил папа. И спросил: – Вооружение какое-нибудь просматривается?

– Так они и будут его на виду держать! Если имеется, то замаскировано.

Сухогруз приближался. Довольно ходко. И уже стали видны его ржавые борта и головы матросов над фальшбортом.

Флаг на мачте был неразличим, висел в безветрии.

– Тряпка какая-то, а не флаг, – презрительно сказал веселый матрос. – Полотенце старое, что ли?

И словно на его вопрос легкий ветерок на секунду развернул флаг. Весь черный, а на черном – три зеленые пальмы.

– «Оазис», – уверенно произнес папа. – Это их фирменный знак. Они прикрываются идеей, будто вся их деятельность призвана превратить всю Землю в цветущий оазис.

– Романтики! – сказал капитан.

– С большой дороги, – добавил Алешка.

Сухогруз шел очень решительно, словно на таран. Или на абордаж. Но, приблизившись, сбавил ход, отработал немного назад и остановился невдалеке тяжелой ржавой глыбой.

– «Ангелина», – прочел название судна капитан. – Наверняка фиктивное.

Ну и что дальше? Мы все столпились по правому борту и глазели на эту ржавую «Ангелину».

– Денег навалом, а судно покрасить пожалели, – пробормотал боцман. Он тоже прибежал посмотреть и, чтобы ничего не прослушать, нацепил свой «слуховой аппарат».

А дальше вот что. С мостика «Ангелины» кто-то прокричал в мегафон:

– Приветствуем славный экипаж «Афалины»! Ждем вашего решения! В случае отказа будем вынуждены применить силу!

Наш капитан тоже взял в руки мегафон и дал ответ:

– Ваши действия противозаконны. Я дал радиogramмы в Морское пароходство и Министерство обороны. К нам направлена вооруженная помощь.

В ответ раздался усиленный мегафоном металлический хохот. Действительно, есть над чем посмеяться. Это раньше наши военные корабли бороздили все моря и океаны, а сейчас они в основном дремлют у причалов с зачехленными орудиями. Да даже если бы и двинулся выручать нас российский флот, то когда он сюда доберется?

А наш капитан от вранья перешел к угрозам.

– Имею честь сообщить, что в ответ на применение вашей лоханкой силы мы ответим адекватно! – И добавил (у Алешки научился): – Мало не покажется.

Боцман внимательно прислушивался к этим переговорам, а когда капитан сурово проворчал: «У них самое мощное вооружение – огнетушители, да и те давно просрочены», боцман зачем-то отправился на корму. Не за тем, конечно, чтобы наши огнетушители проверить.

– Спровоцировал? – с усмешкой спросил папа капитана. – Не пожалеешь?

И верно: на носовой палубе «Ангелины» началась какая-то суета. Матросы с чего-то там сдернули чехлы, что-то там повертели, покрутили и... И над морем прогреготала пулеметная очередь. И в нашу сторону побежали по воде шустрые фонтанчики.

– Прекратите огонь! Мы будем думать! До завтра!

«Ангелина» ответила протяжным презрительным гудком и, чуть переваливаясь с борта на борт, отправилась на свою стоянку, в свое логово.

Как бы то ни было, а нам удалось узнать, что «Ангелина» вооружена, да и на ее катере тоже есть пулемет. А как говорили древние философы, кто предупрежден – тот вооружен. Правда, в нашем случае как-то все наоборот получается. Впрочем, с тех пор многое изменилось. Вот только пираты не вывелись.

Надо сказать, что наш экипаж не растерялся и не испугался. И все наши профессора и академики рвались в бой. Рыбкин даже предложил из своей коллекции живую ядовитую морскую змею.

Все рассмеялись. А он стал возмущенно доказывать, что его идея очень хорошая.

– Вам известно, – наступал он на Штокмана, – что яда этой змеи достаточно для двухсот человек?

– И как вы думаете накормить змеиным ядом двести человек?

– Из чайной ложечки, – сказал веселый матрос. – По очереди.

– Ну, зачем так примитивно? – обиделся Рыбкин. – Нужно сделать все по-научному.

– Нужно послать им в подарок праздничный пирог. – Это Алешка предложил. – А вместо крема обмазать его змеиным ядом.

Вот уж не знал, что он такой «кровоядный».

– Глупости! – отмахнулся Рыбкин. – Я предлагаю... Пусть кто-нибудь, ну, кто хорошо плавает, возьмет эту змею и доставит ее на «Офелию»...

– На «Ангелину», – поправил его веселый матрос.

– Какая разница! Доставит – и незаметно выпустит в трюм. Ручаюсь: будет эффект. Возьмитесь за это дело. – Он ткнул пальцем в грудь веселого матроса.

– Ну уж нет. Я со змеями в кармане плохо плаваю.

– Капитан, – решительно выступил Рыбкин, – дайте мне шлюпку и одного матроса. Я сам совершу подвиг.

Развоевался!

– Глупости, – отмахнулся капитан. – Ну тяпнет ваша змея одного-другого, и пришибут ее кочергой.

– Да никого она не тяпнет. Не успеет. Они ее как увидят, так сразу все за борт попрыгают.

– Глупости, – повторил капитан. – Нам дали время подумать – вот и думайте.

Папа сидел у капитана. Они там обсуждали наше положение и искали выход из него.

Мы с Алешкой сидели в своей каюте и занимались тем же.

– У папы есть пистолет с собой? – вдруг спросил Алешка.

– Не знаю. Наверное. А что?

– Нужно действовать решительно.

– Отстреливаться будем? – усмехнулся я сердито. – Пистолетом от пулемета?

– Глупости, – тоном капитана ответил Алешка. – Надо вызвать боцмана: «Руки вверх! Делай, что прикажу!» И заставить его что-нибудь такое сообщить на «Ангелину».

– Какое еще такое? – Но я уже почувствовал, что у Алешки зреет мысль.

– Такое, чтобы они сделали какую-нибудь глупость и отстали от нас. И чтобы больше не приставали.

Мне стало смешно:

– Нужно им передать, чтобы они посадили свою лоханку на мель. И сидели бы там до Нового года.

Алешке смешно не стало. Он посмотрел на меня и сказал:

– А ты молодец, Дим. – И тут же уточнил, чтобы я не зазнавался: – Правда, очень редко. Но сейчас ты здорово придумал. Надо, чтобы боцман посадил их на мель. Пусть сидят до Нового года и думают о том, какие они негодяи. Согласен?

– Что негодяи – согласен. А на мель посадить – это же я в шутку сказал.

– А я всерьез. – И стал объяснять: – Ты же знаешь, я очень любознательный. – Любопытный он очень, это поточнее будет. – И я часто рассматривал у капитана карту наших мест.

– Каких наших мест? В Подмоскowie, что ли?

– Мест, где мы находимся. Это какой-то архи... забыл... этот ахрипелаг.

– Архипелаг. Группа островов.

– Ну вот. И здесь, мне капитан говорил, очень опасное место для кораблей. Везде рифы, мели и скалы. И многие из них скрыты под водой. Неглубоко, но их совсем не видно. А у капитана на карте они есть.

– Ну и что? – Я уже терял терпение.

– Что, что? Элементарно, Ватсон. Надо заманить туда эту ржавую «Ангелину». Чтобы она на какой-нибудь риф уселась.

– Чем заманить? Колбаской? Или шпротами?

– Приманкой, Дим! Что ж ты такой бестолковый?

– Какой приманкой? – Я даже заорал от злости. И от обиды.

Но Алешка спокойно сказал:

– «Афалиной».

Оказывается, я не такой уж бестолковый. Сразу сообразил – «Афалина» небольшое судно, с малой осадкой. Она пройдет над подводной скалой и не зацепит ее. А эта поганая «Ангелина»...

И мы пошли к капитану.

Мы думали, они сидят и ломают головы. А они сидели и пили коньяк. И капитан дымил своей трубкой, как старинный пароход. Настроение у них было прекрасное. Судя по всему, папа вспоминал свою молодость, а капитан свою. И они хвалились друг перед другом – чья молодость была веселее.

– Явление второе, – произнес папа, когда мы вошли. – Те же и два юных хулигана. Минералку будете?

– Будем, – сказал Алешка. – Так уж и быть.

Мы тоже пристроились к столику, капитан налил нам по бокалу минералки.

– Что празднуем? – ехидно спросил Алешка. – Победу над врагом?

– День Военно-морского флота, – сказал капитан. – А вы?

– А мы празднуем одну идею.

Папа повернулся к капитану и спросил:

– Сразу их выгоним или послушаем?

– Я бы послушал. Они иногда здорово врут. Красиво так, образно. Хорошо, что вы их с собой взяли.

Алешка допил минералку и в двух словах выдал нашу идею.

Капитан посмотрел на папу и молча поднял большой палец.

Надо сказать, что к тому времени мы уже нашли более современный способ «отключать» боцмана с его прослушкой. Это наш капитан по кличке Курок сообразил. Я уже говорил, что «Афалина» имела что-то вроде классного радара для обнаружения других кораблей. А этот радар, когда его включали, автоматически вырубал все ближайшие радиосистемы. Чтобы они ему не мешали. Поэтому, как только нашим отцам-командирам нужно было посекретничать, капитан включал эту «глушилку», и можно было спокойно обсуждать все секретные вопросы.

Поэтому план заманивания «Ангелины» на мель разрабатывался в каюте капитана спокойно, непринужденно, без примитивных мер безопасности. Которые обеспечивали мы с Алешкой морскими узлами и морским колокольчиком.

Капитан расправил карту на столе. Папа и Штокман наклонились над ней.

– Архипелаг Барро. Около сотни островов. Мы находимся вот здесь. Удирать будем вот сюда, к острову Роароа. Пунктиром показаны подводные рифы. Проход для судов очень сложный. Самый подходящий риф для «Ангелины» – риф Тонга. Он скрыт надежно, воды над ним всего четыре метра. Осадка у «Ангелины» – пять примерно. Сядет надежно.

– Но ведь у нее на борту все-таки люди, – возразил, но не очень уверенно, Штокман.

– Да какие это люди? Мерзавцы! Да и ничего с ними не случится. «Ангелина» даже пробоин не получит – верхушка рифа гладкая, как стол. Она просто влетит на него и сядет. Никто не пострадает. Ну, может, шишки набьют. Продукты у них есть, пресная вода есть – не умрут ни от голода, ни от жажды. Разве что от злости. Но это их проблема.

– Они могут вызвать помощь по радиции.

– Ну и что? Пока-то эта неторопливая помощь появится. Судно с рифа спасателям все равно не снять, значит, они только эвакуируют экипаж «Ангелины», примут его на свой борт. Ну, а уж там им не до нас будет. А вы тем временем, профессор Штокман, будете продолжать исследования со своим коллективом. На благо мировой науки.

– Значит, как я понял, – сказал Штокман, – мы делаем вид, что пытаемся удрать от «Ангелины». Она нас нагоняет. Мы благополучно проходим над рифом, а она со всего маху садится на него, так?

– Так, – кивнул папа, – да не совсем. Там ведь тоже не дураки. И сломя голову таким опасным и сложным фарватером не будут мчаться.

– Не понимаю, – признался Штокман.

– Постараюсь объяснить, – сказал папа. – Мы не только сообщим им, что собираемся удрать, но и выдадим свою коварную задумку. Пусть они знают, что мы рассчитываем посадить их на мель.

– Ну... – Штокман развел руками. – Я ведь не очень глупый человек, даже профессор. И академик. Зачем же нам раскрывать свои планы?

– Не понимаете? – улыбнулся папа. – Вот и они не поймут.

Вечером капитан вызвал весь экипаж и всех пассажиров на палубу. Он долго хмурился, кусал губы, потом сказал:

– Я принял решение. На мне лежит ответственность как за судно, так и за всех, кто на нем находится. И ответственность за результаты экспедиции. Завтра утром мы снимаемся с якоря и берем курс на остров Роароа. Попытаемся оторваться от «Ангелины» и затеряться среди островов архипелага. Если они будут нас преследовать, мы пройдем над рифом Тонга...

– Мы-то пройдем, – перебил его старший помощник, – а вот «Ангелина»...

– Вот именно, – кивнул капитан. – Другого выхода у нас нет. Возражения имеются?

Возражений не было.

– Даже если бы они были, – сказал капитан, – я бы их не принял. Все свободны.

Глава IX

«Ангелина» на столе

Утро было прекрасное. Океан и небо слились в одно целое голубое чудо. Далекие острова, казалось, просто висят в воздухе. Был полный штиль.

И никак не верилось, что это прекрасное утро – очень опасное.

Мы волновались. Не только за исход нашей операции. Мы сильно волновались – сумел ли боцман передать на «Ангелину» информацию о нашем бегстве и коварной задумке?

Сумел... Из-за острова показался массивный корпус «Ангелины». Она шла полным ходом. Если она нас догонит и долбанет своим крутым ржавым носом, то не один только Рыбкин окажется за бортом.

«Ангелина» со своими пулеметами и габаритами нас не боялась – подумаешь, научно-исследовательское судно, скорлупка, на которой находятся тихони-ученые. И эти «ботаники» задумали посадить их, бравых пиратов, на мель! Смехота! Догоним и возьмем на абордаж.

А мы, конечно, запросто могли удрать с дельфиновой, как сказал Алешка, скоростью, но нам было важно не удрать, а остаться в том же месте, чтобы продолжить исследования. И чтобы нам никто не мешал. Поэтому удирали мы не спеша, прихрамывая, как сказал Алешка.

«Ангелина» нагоняла нас. Время от времени она подавала какие-то сигналы сиреной: короткий – длинный, длинный – короткий. Мы стояли в капитанской рубке, и капитан с усмешкой «переводил» нам эти сигналы:

– «Требую сбавить ход!», «Требую остановиться!»

– Ничего не вижу, ничего не слышу, – бормотал капитан сквозь зубы, не выпуская дымящей трубки изо рта. – «Открываю огонь!»

Вот это уже неслабо: на «Ангелине» загрохотало, а над «Афалиной» пролетела очередь трассирующих пуль.

Капитан тоже подал сигнал. И перевел его нам:

– «Сбавить ход не могу. Отказал реверс. Прошу помощи!»

Ответом была вторая очередь. Пониже первой. Но прицельно огонь не велся. А вот почему – об этом мы узнали гораздо позже.

– Приближаемся к рифу, – предупредил капитан. – Всем надеть жилеты! Принять меры безопасности! Готовность номер один!

Мы мчались к острову. Сзади на нас надвигалась громадная ржавая туша.

– Проходим риф! – рявкнул капитан.

И тут вдруг где-то с нашего носа, из иллюминатора, вылетела сигнальная ракета. И словно повинуясь ей, «Ангелина» резко положила руль влево. Не пошла по нашему следу. Боцман предупредил ее об этом и указал ракетой опасный риф. Поравнявшись с нами, «Ангелина» вдруг захрустела всем своим железом, что-то на ней оборвалось и обрушилось. И она резко остановилась. Села на стол. Прямо как праздничный торт в виде корабля. По которому уже прошелся столовой ложкой непослушный малыш-сластена.

Когда скрежет железа прекратился, стали слышны другие звуки: проклятия и ругательства. А пулемет молчал. Либо у них патроны кончились, либо на него что-то тяжелое свалилось.

Наш капитан взял мегафон, и над морем прогремело:

– Не ушиблись? Счастливо оставаться!

А наш папа вышел из рубки, к нему тут же присоединился веселый матрос, и они пошли к боцману, в его каюту.

Она была заперта. Веселый матрос одним ударом ноги вышиб дверь.

Боцман сидел на койке и молча смотрел на них. Рядом лежала ракетница.

– Ваши ручки, фрау-мадам! – сказал веселый матрос.
Вот и наручники нашлись.
А папа сказал боцману:
– Все остальное потом. Где скрывается Оленин?
Боцман шмыгнул носом.

Если вам не все понятно, я постараюсь объяснить. Но сначала скажу только, что «Афалина» сделала круг, обойдя со всех сторон «Ангелину», и вернулась на станцию. И все вернулись к своим делам. Опустили ловушку, сбросили трал. Стали брать пробы воды. А микробиолог сказал:

– Здесь хороший планктон должен быть. Питательный.
Сказал так, будто предлагал нам этот питательный планктон на ужин.

Словом, боцман сделал свое дело под нашим руководством. Когда он стал подслушивать планы нашего бегства, папа и капитан повели такой разговор.

Капитан сказал, что нужно заманить «Ангелину» за собой и посадить ее на риф. Чтобы не мешала заниматься нашими делами. И он еще сказал, что знает такой риф. Очень удобный, чтобы на нем разместился ржавый сухогруз.

Папа спросил, а как его заманить на этот риф? Да очень просто, ответил капитан.

– Они идут нам в кильватер...

Кильватер, чтобы вам было ясно, это след за кормой корабля.

– Они идут нам в кильватер. Мы идем прямо на риф. Для нас он не опасен. Мы его не заденем. А они засядут на нем, как собака на заборе.

Капитан у нас тоже романтик. И где это он видел собак на заборе?

– Послушайте, – сказал папа. – А если они вдруг что-то почуют? Заметят по волнам, что впереди подводная скала? Тогда ничего не получится.

– Эта подводная скала совершенно незаметна. И обойти ее можно только в одном месте – к западу от нашего курса. Но они об этом не знают. Это единственный проход для судов в этом месте.

– Все-таки опасно, – задумчиво сказал папа. – А если мы сами зацепим днищем этот риф?

– Не зацепим! Да «Афалине» это и не страшно. Она скользнет по нему, как санки с горки.

Собаки на заборе... Санки с горки... Тут не только дурак, тут и умный задумается.

– Ну, на всякий случай меры безопасности мы примем. Перед рифом я дам соответствующую команду экипажу. «Готовность номер один».

– Я бы все-таки предпочел обойти этот риф с запада, – сказал папа.

– А смысл? Нам ведь нужно не риф обойти. Нам надо, чтобы его «Ангелина» не обошла.

Весь этот разговор внимательно слушал боцман. И сообщил своим хозяевам о наших коварных планах. И о том, что в нужный момент он даст сигнал ракетой. Чтобы «Ангелина» резко свернула к западу и тем самым преградила путь «Афалине».

Он это и сделал. Дал ракету. И направил «Ангелину» на риф.

Военная хитрость. И нам она удалась. А боцману – нет.

– Где скрывается Оленин? – терпеливо повторил папа.

– Оленин? – боцман оттопырил ухо ладонью. – Не знаю такого.

– Не надо притворяться, – поморщился папа. – Я прекрасно знаю, кто вы такой, какой у вас слух и какая совесть.

Боцман шмыгнул носом.

– И подумайте о том, – подсказал ему папа, – что вы натворили. Вам этого не простят.

– А что я такое натворил? – удивился боцман.

– Да ничего особенного, – папа пожал плечами. – Вы систематически давали дезинформацию на «Ангелину» своим хозяевам. А потом посадили ее на риф. Мы же использовали вас...

Боцман вскочил, замахал скованными руками. Попытался что-то сказать, но только хлюпнул носом.

– Да, да. Мы прослушивали все ваши переговоры. И подбрасывали вам то, что было нужно нам. Повторяю: хозяева вам этого не простят.

Боцман сел, опустил голову.

Положение у него было безвыходное. Но папа ему выход подсказал:

– Если вы чистосердечно и правдиво ответите на мои вопросы, я постараюсь смягчить вашу участь, когда мы вернемся в Россию и вас отдадут под суд. Только учтите: не врать, я многое знаю.

– А что говорить-то?

– Где Оленин? Что он замышляет?

Боцман долго молчал. Потом сказал неохотно:

– Что он замышляет, я не знаю. Обещал золотые горы и прекрасную жизнь. А находится он на острове Кокос. И ждет там «Афалину».

– Что призадумались? – спросил капитан папу.

– Не знаю, где задержанного содержать. Опасный человек.

– Чего проще! В консервной банке.

– То есть? – удивился папа. – У вас есть на борту такие большие банки?

– Эх вы, мореплаватель! Не знаете такой простой вещи.

И капитан объяснил, что моряки называют иногда консервной банкой цепной ящик. Это такое металлическое помещение в носу корабля, куда убирается якорная цепь. Со времен парусного флота туда запирали провинившихся матросов.

– Годится, – сказал папа. – Пусть привыкает.

Когда Алешка узнал про остров Кокос, он подпрыгнул чуть ли не до потолка.

– Пап! Поехали скорее туда! Ведь на этом острове остались сокровища капитана Флинта!

Наш капитан вытаращил глаза и сказал:

– Нет у меня никаких сокровищ! Ни на острове Кокос, ни в Сбербанке. Однокомнатная квартира, трубка и кошка по имени Клотик, она сейчас у соседки живет, скучает по мне. Вот и все мои сокровища.

– Да я не про ваши сокровища! Нужна мне ваша кошка! Я про того Флинта, пирата!

– Лёнь, – сказал папа и положил ему руку на плечо. – Стивенсон написал прекрасную книгу. Она и для детей, и для взрослых. Но ведь он все это придумал.

– Ну и что? Жюль Верн тоже очень много придумал. А ведь все, что он придумал, сбылось! Нет, что ли?

– А чего ты штормуешь? – спросил капитан. – Вот закончим работу на этой станции и пойдем на Кокос. За твоими сокровищами. Поделишься со мной, когда их откопаешь? А то кошачий корм нынче уж очень дорог.

– Поделюсь, – пообещал Алешка. – Я кошек тоже люблю. И вообще всех животных. Даже змей.

И с этого момента Алешка не уходил с палубы – он всю помогал ученым в их работе. Чтобы поскорее ее завершить и отправиться на остров Кокос, за сокровищами легендарного пиратского капитана Флинта.

Папа тоже с нетерпением ждал этого момента. Неуловимый Оленин наконец-то нашелся. Но самое главное, нужно было помешать ему совершить новое преступление, которое он задумал.

Оленин прекрасно знал, что его разыскивают по всему миру. Но это его не беспокоило. Укрывшись на маленьком островке в очень большом океане, он чувствовал себя в безопасности. И задумал стать грозным владыкой морей. Но об этом мы узнали гораздо позже. А в то время и не догадывались, что и мы сами в его планах были предусмотрены. Хотя он и не догадывался о нашем существовании.

Отплытие на Кокос задерживалось. Правда, по уважительным причинам. Сначала Рыбкин опять поймал рыбку, неведомую до этой поры никому на свете, а потом, когда трал опустили на десять тысяч метров и вытащили на палубу (тащили, кстати сказать, ровно пять часов), он оказался полон глубоководного грунта. Полтонны грязи.

Алешка пыхтел, как паровая машина. Но не отказался помочь при промывке этого грунта. И тут все ученые заплясали на палубе. Когда грунт смыли за борт, у них осталась великолепная добыча. Правда, великолепная с их точки зрения. Это были два червя, две голотурии, моллюски и какие-то мелкие противные рачки.

– Это праздник какой-то! – ликовал вместе со всеми Штокман.

Будто этот трал принес им с глубины десять километров не двух маленьких червей, а два сундука с золотом.

– Вот, пожалуйста! Почти вся мировая наука утверждает, что на таких глубинах невозможна органическая жизнь. Там давление, мол, больше тысячи атмосфер. А они там живут! И судя по всему – прекрасно.

– А вы бы хотели так прекрасно жить? – невинно спросил Алешка. – На глубине десять километров? Под давлением тыща атмосфер? И в полной темноте?

– Знаете, юноша, – Штокман приласкал свою непослушную бородку. – Если глубоко задуматься, то мы все тоже живем под большим давлением и в относительной темноте. А что касается меня лично, то я отдал бы десять лет жизни, чтобы хоть одним глазком взглянуть: а как там у них, под давлением и в темноте. Но, к сожалению, это пока невозможно.

– Ладно, – сказал Алешка, – когда я откопаю сокровища на Кокосе, я вам немного отстегну. Постройте себе батисферу и смотрите себе на этих червей хоть двумя глазками.

– Я тронут, – произнес Штокман. – Я спешу на остров Кокос.

Остров Кокос, как пишут в лориях и романах, находится далеко в стороне от морских путей. И, видимо, поэтому в свое время его облюбовали пираты.

Здесь они, скрываясь от врагов – а врагами у них был почти весь мир, – чинили свои боевые фрегаты, очищали их днища от водорослей и ракушек, делили добычу и прятали ее по своим заначкам. Отсюда они вновь выходили на свой промысел.

Со временем значение острова как пиратского пристанища упало, его перестали посещать, о нем постепенно забыли. И слава его оставалась только в книгах о морских разбойниках.

А потом тут, по слухам, поселилось одно племя. Получилось так, что два племени на своем родном острове никак не могли вместе мирно ужиться. И воевали друг с другом двести лет, пока от каждого племени не осталось и двухсот человек.

И тогда одно из племен темной ночью погрузилось на свои каноэ и катамараны и отправилось в глубь океана искать свое счастье. Они нашли его на острове Кокос. На котором никто не жил и который никому не принадлежал. Здесь был ручей – пресная вода; здесь росли кокосовые и банановые пальмы – это пища, и море вокруг острова тоже кишело пищей.

Здесь они и поселились. И мы собирались навестить их потомков. Потому что, по некоторым сведениям, на острове скрывался объявленный в розыск международный преступник Оленин.

Пока мы плыли до острова, Алешка все строил планы, как он распорядится пиратскими сокровищами. И надо отдать ему должное – он не собирался окружить себя роскошью в виде музыкальных центров и всякой другой муры. И школу тоже все-таки решил не бросать.

Иногда я заставал его в задумчивости, сидящим возле своей раковины (маленькая собачка караулит большую конуру). Он загибал пальцы, что-то подсчитывал и бормотал: «Маме – пальто, папе – куртку, Димке – ботинки, мне – новый плеер. Штокману – на батискаф. Флинту – на корм для кошки, Рыбкину – абонемент в бассейн, пусть плавать учится...»

Это он распределял пиратские денежки. Мне кажется, что, когда на горизонте появились сначала высокая гора, а потом лохматые пальмы острова Кокос, в Алешкином кошельке не осталось ни одного пиастра, даже на самый плевенький плеер.

Алешка долго всматривался в остров, оценивая его на предмет содержания в его недрах несметных сокровищ, а потом спросил у старпома:

– А лопата у нас на судне имеется?

– Лопаты на судне у нас не имеется, сэр. А также не имеется ни мешков, ни сундуков для золота.

Алешку эта ирония ничуть не смутила.

– Там не только золото, там куча драгоценных камней.

– С этим проще, сэр. На этот случай можно взять у кока самую большую кастрюлю.

– И динамит мне может понадобиться, – обрадовал его Алешка. – Или тротил. Килограммов сто.

Старпом помолчал, почесал «репу», сказал: «Что-нибудь придумаем», – и пошел искать нашего папу.

– Сергей Александрович, – сказал он папе, – дайте мне, пожалуйста, на минутку ключи от цепного ящика, где вы заперли негодяя Шмагу.

– Вы хотите его выпустить? – улыбнулся папа.

– Что вы! – Старпом подошел к нему поближе, оглянулся и прошептал: – Тут нужно еще одного террориста к нему посадить. Ваш младшенький динамит ищет. Или тротил. В большом количестве.

– Вот так, да? – удивился папа. – Хорошо, я приму меры.

И папа сказал веселому матросу с помпоном:

– Алешин, приглядывайте за моим младшим. Особенно на острове.

– А что такое?

– Динамит ищет.

Алешин посмотрел в сторону острова и сказал:

– Жаль. Красивый остров.

А красивый остров приближался. Он, будто радуясь нам, приветливо покачивал верхушками пальм. Ослепительно сверкал пляжем. Вокруг «Афалины» стаями проносились летучие рыбы. Тяжело парил над ней неугомонный альбатрос. И даже вдруг послышался в воздухе нежный многоголосый щебет, словно скакали вниз по каменным ступеням маленькие камешки. Драгоценные в основном.

– Морские ласточки, – сказал наш орнитолог. – Славные птицы.

Славные птицы весело пролетели над нами и вмиг загадили всю палубу. Даже лысую голову орнитолога.

«Афалина» сбавила ход и подходила к берегу очень осторожно – мало ли какие подводные рифы могут оказаться на ее пути.

– Стоп машина! – скомандовал капитан. – Отдать якорь!

Загремела якорная цепь, плюхнулся якорь в «глазурные» воды, подняв разноцветные брызги. «Афалина» еще чуть продвинулась к берегу, развернулась к нему бортом и замерла, чуть покачиваясь на легкой прибойной волне.

– С правого борта – шлюпки на воду!

Едва шлюпки коснулись поверхности океана, как мы попрыгали в них и направились к берегу.

Лучше бы мы этого не делали...

Глава X

Бескрылый Олень

Не успели мы отчалить от «Афадины», как из гуши тропического леса выбежали островитяне. На этот раз самые настоящие! И мужчины, и женщины были в коротких юбочках из пальмовых листьев, а на головах и шеях у них красовались венки из белых и красных цветов.

Это была шумная ватага. Они что-то кричали, подпрыгивали, махали нам – с явным дружелюбием. Я бы сказал, с радостью.

Некоторые из них, самые нетерпеливые, бросились нам навстречу вплавь, другие – тоже нетерпеливые – спустили на воду узкие лодки, набились в них как селетки и замахали короткими веслами с широкими лопастями.

– Вот тебе и лопаты, – сказал старпом Алешке. – Выменяй на что-нибудь. Что не жалко.

– Мне не жалко карманные часы капитана, – расхохотался Алешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.